

КРИСТИНА ПЕРЕС

СЛАДКИЕ

ЧЕРНЫЕ

ВОЛНЫ

Сладкие черные волны

Кристина Перес

Сладкие черные волны

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-44

Перес К.

Сладкие черные волны / К. Перес — «Издательство АСТ»,
2018 — (Сладкие черные волны)

ISBN 978-5-17-110859-5

Два гордых королевства стоят на противоположных берегах моря, и в истории их взаимоотношений – только кровь. Как лучшая подруга и фрейлина принцессы, Бранвен руководствуется двумя принципами: преданностью Родине и ненавистью к врагам, убившим ее родителей. Но когда она неосознанно спасает жизнь своему врагу, он пробуждает ее древнюю исцеляющую магию и вынуждает ее сердце открыться. Бранвен начинает мечтать о мире, но принцессу, которой она служит, не так легко убедить. Борьба за то, что она считает правильным, даже когда ее силы выходят из-под контроля, настроит Бранвен против ее ближайшего доверенного лица и единственного человека, которого она когда-либо любила. Вдохновленная печальной повестью о Тристане и Изольде, это история истинной героини легенды: Бранвен. Первая книга роскошной фэнтезийной трилогии о воюющих странах, семейных тайнах и запретной любви – для всех поклонников «Туманов Авалона» Мэрион Зиммер Брэдли и «Одаренной» Кристины Кашор.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-110859-5

© Перес К., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Действующие лица	8
Часть первая	10
Поцелуй жизни	10
Одаи эти ама	18
Он меня любит,	23
Женщина долга	29
До последнего вздоха	33
Кровоточащее сердце	37
Укус тени	41
Бог диких тварей	45
Единственная ревность Эмер	49
Море пламени	55
Змеи в волнах	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Кристина Перес
Сладкие черные волны
Официальная новеллизация

Kristina Pérez
SWEET BLACK WAVES

Печатается с разрешения издательства IMPRINT, a part of Macmillan Publishing Group, LLC, и литературного агентства Nova Littera SIA.

Перевод с английского Сергея Денисенко
Художественное оформление Екатерины Ферез

Серия «Все новые сказки»

Copyright © 2018 by Kristina Pérez
© С. В. Денисенко, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Джеку

Ne vos sanz mei, ne mei sanz vos.¹
Мария Французская. «Жимолость»

¹ Нет вас без меня, нет меня без вас (*франц.*).

Действующие лица

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ ИВЕРНИКИ

ВЕРХОВНЫЙ КОРОЛЬ ЭНГУС ИВЕРИУ – отец принцессы Эсильты, дядя леди Бранвен; он держит двор в замке Ригани, в провинции Ригани.

КОРОЛЕВА ЭСИЛЬТА – мать принцессы Эсильты, жена короля Энгуса, тетя леди Бранвен, сестра леди Аланы и лорда Морхольта, родом из провинции Лайгинцтир.

ПРИНЦЕССА ЭСИЛЬТА ИВЕРИУ – дочь короля Энгуса и королевы Эсильты, племянница лорда Морхольта и леди Аланы.

ЗНАТЬ ИВЕРНИКИ

ЛЕДИ БРАНВЕН КУАЛАНД ЛАЙГИНЦТИРСКАЯ – наследница замка Бодва, дочь леди Аланы и лорда Кэдмона, кузина и служанка принцессы Эсильты, племянница королевы Эсильты и короля Энгуса.

ЛОРД МОРХОЛЬТ ИЗАБРАДА ЛАЙГИНЦТИРСКИЙ – первый боец (защитник) короля, дядя Бранвен, брат королевы Эсильты и леди Аланы.

ЛЕДИ АЛАНА КУАЛАНД ЛАЙГИНЦТИРСКАЯ (*покойная*) – леди замка Бодва, мать Бранвен, сестра королевы Эсильты и лорда Морхольта.

ЛОРД КЭДМОН КУАЛАНД ЛАЙГИНЦТИРСКИЙ (*покойный*) – лорд замка Бодва, отец Бранвен.

ЛОРД ДИАРМАЙД ПАРТАЛАН УЛАДЦТИРСКИЙ – наследник замка Таламу, сын лорда Ронана и леди Фионуллы, потомок верховного короля Эогана Мугмедона, предводителя северного клана.

ЛОРД РОНАН ПАРТАЛАН УЛАДЦТИРСКИЙ – лорд замка Таламу, отец Диармайда, потомок великого короля Эогана Мугмедона.

ЛЕДИ ФИОНУЛЛА УЛАДЦТИРСКАЯ – леди замка Таламу, мать Диармайда.

ЛОРД КОНЛА МУМХАЙНЦТИРСКИЙ – дворянин из провинции Мумхайнцтир, прежний любовный интерес принцессы Эсильты.

ЧЛЕНЫ КОРОЛЕВСКОЙ ГВАРДИИ И СЛУГИ

СЭР КИН ИЗ ЗАМКА РИГАНИ – королевский гвардеец и телохранитель принцессы Эсильты, родом из прибрежной деревни близ Рок-роад.

СЭР ФИНТАН ИЗ ЗАМКА РИГАНИ – королевский гвардеец и телохранитель королевы Эсильты.

СЭР КОМГАН ИЗ ЗАМКА РИГАНИ – королевский гвардеец.

ТРЕВА ИЗ ЗАМКА РИГАНИ – главный королевский повар.

ДУБТАХ ИЗ ЗАМКА РИГАНИ – слуга в замке, сын Нойрин.

НОЙРИН ИЗ ЗАМКА РИГАНИ – швея, мать Дубтаха.

МАСТЕР БЕКК ИЗ ЗАМКА РИГАНИ – королевский наставник принцессы Эсильты и леди Бранвен.

СИРША – помощница королевы Эсильты в лазарете замка Ригани, родом из прибрежной деревни Дугорт.

ГРАЙНИ – девочка-сирота с Рок-роад.

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ КЕРНЫВАКА

КОРОЛЬ МАРК КЕРНЫВСКИЙ – дядя Тристана, брат принцессы Гвинедды, сын короля Мерчиона и королевы Верики Кернывских.

ПРИНЦ ТРИСТАН – наследник протектората Лионес, племянник короля Марка и его первый боец, сын принцессы Гвинедды и принца Ханно.

ПРИНЦ ХАННО ЛИОНЕССКИЙ (*покойный*) – штурман кернывакского королевского флота, который стал принцем в результате брака с принцессой Гвинеддой Кернывской, отец Тристана; его предки прибыли в Керныв из Картаго с легионами Аквилана.

ПРИНЦЕССА ГВИНЕДДА (*покойная*) – мать Тристана, старшая сестра короля Марка, дочь короля Мерчиона и королевы Верики.

ЭКИПАЖ «ПАРЯЩЕГО ДРАКОНА»

МОРГАВР – капитан «Парящего Дракона», моряк кернывакского королевского флота.

КАДАН – юнга «Парящего Дракона», моряк кернывакского королевского флота.

Часть первая Пути Древних

Поцелуй жизни

Дым, и крики, и любовь.

Смутные образы роились в голове Бранвен, перемещая ее за тысячу лиг от замка Ригани. От участвовавшего сердцебиения она вонзила ногти в подлокотники кресла. Мысли в это время года всегда были плохими. Отрывочные цветные образы, как осколки витража, сталкивались друг с другом и разбивались.

– В самом деле, Бранни, – сказала Эсси, отвлекая ее от мыслей. – Вино делает тебя чересчур мрачной.

Бранвен вздохнула. Ее кузина забыла, какой сегодня день. Она пару секунд глядела на море, прежде чем встретиться взглядом с Эсси. Жестокие волны плескались за круглыми оконцами гостиной принцессы: индиго с белым. Бранвен не любила надолго терять их из виду. Когда они бились о берег, в ней просыпалась какая-то дикость, и она делала все возможное, чтобы обуздать ее.

– Бузина что-то развязала тебе язык, – сказала она, поворачиваясь к кухне.

Принцесса рассмеялась и сделала еще один глоток вина из бузины.

Бранвен понизила голос:

– Что бы сказал лорд Диармайд, если б увидел твои пылающие щеки?

Диармайд был сыном лорда и леди Парталан из провинции Уладцитир, и тем вечером король Энгус пригласил его в замок на праздник. Эсси, не переставая болтала о молодом госте.

Вместо ответа принцесса показала ярко-розовый язычок:

– Диармайд и сам по себе способен заставить меня краснеть. – Еще один смешок и икота. – Но если мы пойдем слушать лорда Парталана, снова пересказывающего все свои юношеские победы в Кернываке, тогда я думаю, ты точно снова взбесишься, Бранни.

В груди Бранвен все сжалось, как только она подумала о людях, разорявших ее королевство. Воры и пираты все до единого. Их набеги на побережье Ивериу славились безжалостностью. Она не нуждалась в дальнейших напоминаниях. Тем более, сегодня. Безликие налетчики были тут как тут, едва она закрывала глаза.

Возможно, затуманенное сознание – именно то, что нужно, чтобы праздник закончился побыстрее. Хотя ни один напиток никогда не будет достаточно крепким, чтобы полностью стереть воспоминания. Неужели прошло тринадцать лет?

– Что за прелесть!

С этими словами Эсси подлила в ее стакан еще немного сладко-терпкого вина и удовлетворенно вздохнула. Принцесса воровала вино из личного запаса Треввы, главного повара, что вызывало у Бранвен всплески вины; но опять же, это было не худшее, что могла сделать Эсси.

– Прелесть, – согласилась Бранвен; игнорируя стакан, она отняла у кухни бурдюк и припала к нему губами, наслаждаясь вкусом ягод на языке. Эсси восторженно захлопала в ладоши и заговорщически подмигнула.

Принцесса обожала озорство и любила устраивать в замке разные шалости. Однажды она убедила Дубтаха, сына швеи, что вареное яйцо – человеческое глазное яблоко, а потом, как будущая королева, приказала его съесть. Бедный Дубтах до сих пор смотреть не мог на яйца. И даже на цыплят, если уж на то пошло.

Словом, распитие вина в спальне Эсси, где кухни по заданию наставника должны были изучать одну из великих историй Иверниу о любви, не являлось для них большим преступлением.

Наконец, Бранвен оторвалась от бурдюка, и ее глаза снова скользнули к бурным волнам внизу. Они манили ее. Странно, как она могла любить темные глубины, разрушившие ее королевство. В древние времена, как пели барды, остров Иверниу захватывали пять раз, и теперь королевство Кернив снова грозило это сделать.

Огонь, море и сражающиеся мужи.

Бранвен подозревала, что мир был мечтой, такой же сломанной и неуловимой, как ее собственная, головоломкой, из которой пропали ключевые элементы. Она слегка потрясла головой, когда вино деликатно обожгло ей горло.

В центре ее разрозненных снов была любовь. Всегда любовь. Пара влюбленных переплеталась, пока у них не оказывалось одно сердце на двоих; их лица чернели, превращаясь в пепел, и прилив утаскивал их в Иверникское море. Они любили, пока горели, и горели, пока любили. И всегда, всегда их руки тянулись к Бранвен. Это были ее родители, она была в этом уверена.

– Все пополам, – заявила Эсси, тоже отхлебывая из бурдюка.

Взгляд Бранвен возвратился к кухне, которая недавно отпраздновала свой семнадцатый день рождения. Без наследников мужского пола мир и процветание Иверниу зависели только от брака Эсси. Иверникский закон запрещал править женщине – ей нужен был муж, и Бранвен слышала, что иноземный союзник имеет решающее значение для защиты вод, окружавших их маленький остров. Разница в их положениях никогда не была важна, но Бранвен чувствовала, что когда-нибудь она появится. Может быть, скоро. В конце концов, Эсси станет ее королевой.

Из-за тяжелой деревянной двери раздался громкий стук, и Бранвен тут же застыла на месте. Вошла королева Эсильта: походка изящна, спина идеально пряма.

Бранвен незаметно спрятала бурдюк под подолом своего плотного парчового платья. Она заметила, что Кин, телохранитель принцессы, выглянул из дверного проема, но ничего не сказал. Кин был очень привлекателен, он дважды приглашал Бранвен танцевать на последнем празднике Имболгос. Хорошо, что она не могла покраснеть – щеки и так были красны от вина. Разглядывая разгоряченные лица девушек, королева Эсильта нахмурилась.

– Понятно. – Она прочистила горло. – Должно быть, мастер Бекк сегодня назначил вам очень забавный урок. Смех разносится по всему замку.

Глаза Бранвен наткнулись на королеву, и она склонила голову. В ее обязанности, как горничной Эсси, вменялось следить за безопасностью принцессы – даже от самой себя. Впрочем, тетя никогда не заставляла ее чувствовать себя прислугой, относясь скорее как ко второй дочери.

Королева Эсильта успокаивающе положила руку на плечо Бранвен. У нее были сверхъестественные способности читать чужие мысли. Говорили, что Древние одарили ее способностью видеть в Другом мире, но Бранвен не знала, может ли королева простым наложением рук разглядеть ее мысли.

Если Древние действительно существовали и действительно защищали королевство Иверии, то почему они разрешили Керныву продолжать эту резню? Почему они не спасли родителей Бранвен?

Эсси оставалась счастливо неосведомленной о молчаливом обмене мыслями между Бранвен и своей матерью.

– Мы читаем просто *изумительную* историю, матушка, – пробормотала она.

– И что это за изумительная история? – спросила королева.

– «Сватовство Этайн». Это ужасно романтично.

Бранвен фыркнула:

– И верно, ужасно. Она превращается в пурпурную муху!

Эсси ущипнула ее за нос и показала кухне язык, больше не пытаясь скрыть опьянение.

– Не могу сказать, что мечтаю о превращении в насекомое, но Этайн жила тысячи лет. Каждый в Иверии все еще помнит ее имя. И это сражение двух сверхъестественных людей... – принцесса мелодраматично схватилась за сердце, так что Бранвен и королева не могли сдерживать смеха.

Обаяние Эсси было заразительным. Младшая кузина всегда выводила Бранвен из темных глубин сознания. Хотя она не понимала, почему Эсси так любила историю Этайн. Легенда эта никогда не заканчивалась хорошо: в одной из версий Этайн была проклята ревнивой женой своего возлюбленного и стала насекомым. В другой – навечно поселена в Другой мир. Впрочем, возможно, Бранвен просто не была достаточно романтична.

Тетка перехватила ее взгляд, будто точно знала, о чем думала девушка. Уголки губ королевы поднялись вверх, и она подмигнула.

Бранвен всегда была благодарна своей тете не только за воспитание, но и за то, что та взяла ее себе в ученицы. Эсильта была известна всему королевству своими познаниями в травах. Бранвен, быть может, и не верила в Древних, но медицина была тем, что она понимала.

Она часто работала при свечах долго после того, как Эсси засыпала, размалывая и смешивая новые снадобья, чтобы проверить их, или практикуясь делать швы на подушках. Бранвен хотела спасти чужих родителей, чужих детей.

Если бы ее собственные родители вовремя дошли до целителя, могли бы они спастись? Королева твердила, что Бранвен никогда не узнает точных подробностей их смерти, но этот вопрос преследовал девушку. Что-то сломалось внутри Бранвен в тот день, когда ее родители умерли, и она их никогда не забывала. Что-то в ней разгорелось – огненная ненависть, которая, как знала Бранвен, однажды поглотит ее, если она не будет тщательно ее контролировать.

Лукаво глянув на дочь, королева Эсильта сказала Бранвен:

– Когда принцесса придет в себя... могу я попросить вас собрать «волосы русалки»?

Бранвен кивнула. «Волосы русалки» – светящиеся бирюзовые водоросли, которые заставляют поверхность океана светиться как фонарики в безлунные ночи. Ну а свежий воздух и прогулка пойдут кузинам на пользу.

– Спасибо, дорогая, – продолжала королева. – Я готовлю бальзам для короля. Энгус снова страдает от подагры. В последнее время погода была такой жаркой...

– Подагра? Какая грубость, мама. – Принцесса с отвращением скривила верхнюю губу. – Леди не говорят о подагре.

– Подожди, пока не выйдешь замуж.

– Я скорее предпочла бы перевоплотиться, как Этайн, чем выйти замуж за мужчину с подагрой! – С этими словами Эсси вытащила бурдюк с вином из-под подола Бранвен и сделала большой глоток.

Королева вздохнула:

– Что ж, продолжай в том же духе, но и тогда и мне стоит выпить, – сказала она, отбирая бурдюк.

– Хорошо. Может быть, это поможет тебе расслабиться, мама.

Бранвен затаила дыхание. Любая другая королева отругала бы дочь за столь наглое и непристойное поведение. И даже горничная леди, ставшая свидетельницей подобной выходки своей госпожи, могла рассчитывать на наказание.

Королева Эсильта просто обратилась к вину из бузины. Затем наклонилась и поцеловала принцессу в лоб. Эсси изобразила недовольство.

Тетя повернулась к Бранвен и тоже поцеловала ее в лоб. По мере того, как проходило тепло от поцелуя, девушка почувствовала, что задыхается от стыда за то, что не выполнила свои обязанности.

– Сегодня мне тоже тяжело, моя дорогая Бранни, – пробормотала королева почти беззвучно.

Она вспомнила. Одинокая слеза скользнула по щеке Бранвен, блеснув на полуденном солнце.

– Пойдем. – Эсси поднялась на ноги, схватив кузину за руку. – Королева Ивериу приказывает нам поймать русалку за волосы, и да будет так. – Она сердито посмотрела в сторону ушедшей матери.

– Это был не приказ, Эсси. Это была просьба.

– Просьба королевы – это всегда приказ.

Бранвен пожала плечами, позволив кузине стащить ее с кресла.

Просьба или приказ, она сделает все, чтобы вернуть любовь королевы. И сделает охотно.

Эсси терлась рядом с ней, пока девушки пробирались из замка вниз к берегу. Когда они были детьми, Бранвен возмущало, что ее младшая кузина следовала за ней повсюду, постоянно приставала к ней, но разрыв в возрасте в конечном итоге становился несущественным, и Бранвен уже не могла представить собственный портрет без Эсси, написанной рядом с ней.

Кин держался на почтительном, но видимом расстоянии от своей леди и ее горничной. Бранвен была рада, что ей не полагалось собственного телохранителя. Это было бы так утомительно.

Обычно она проводила свое свободное время на скалах у крепостного вала.

Они казались ей сильными и надежными, как королева Эсильта; в угасающем солнечном свете камни четырех круглых башен сияли, как серебро. Бранвен всегда знала, что в стенах замка она в безопасности. Его выступающие в сторону моря бастионы с галереями для лучников гарантировали защиту от любых захватчиков, – таких, как налетчики из Кернывака, что убили родителей Бранвен.

И все же она не могла удержаться от желания освободиться от них.

Большинство людей избегало бы места, где, как они знали, были убиты их родители. Но для Бранвен это было также и последним местом, где они были еще живы.

Здесь она была ближе всего к ним.

Иногда она могла почти заставить себя поверить, что они были просто в Форт-Аине, конечном пункте их последней поездки. Что они скоро вернуться к ней...

Ее пульс участился, когда в ее ушах раздались слова.

– Ты не слышала, что я сказала, Бранни? – Эсси осторожно толкнула ее в плечо.

– Что такое?

У Эсси были такие же глаза, как у матери Бранвен, леди Аланы – изумрудные, как камни Ригани. Это заставляло девушку любить кузину гораздо сильнее. Она же унаследовала медно-карие глаза от своего отца, лорда Кэдмона.

Принцесса накрутила соломенную прядь своих волос на палец и, нахмурившись, повернулась к кузине.

– Я спросила, может ли какой-нибудь мужчина полюбить меня так же, как Этайн? Что ты думаешь о лорде Диармайде?

В ее словах прозвучала настоящая грусть, и сердце Бранвен заныло. Ее кузина тратила слишком много времени, читая старые романтические баллады. Это не способствовало подготовке к браку.

– Я думала, ты не хочешь замуж, – сказала она беззаботно.

– Я и не хочу замуж. Я хочу *любовника*. Мне нужен человек, который полюбит меня не за мое королевство и не за мой титул.

– Хорошо, что тебя твоя мать не слышит, Эсси, – сказала Бранвен, стукнув ее маленькой плетеной корзинкой, которую принесла, чтобы собирать «волосы русалки».

– А почему нет? Мне все равно, кто услышит. Мне все равно, если кто-нибудь узнает! – сказала принцесса, повышая голос. Покосившись на Кина, Бранвен заметила, как тот нахмурил лоб.

– Почему я не могу выбирать, кого полюбить? – спросила Эсси.

Они обе знали, почему.

Эсси олицетворяла собой королевство. Когда-то она станет королевой, и ее первой обязанностью станет забота о стране. Об Ивериу. Когда настанет время, Эсси будет заботиться о своем народе. Бранвен только хотелось, чтобы это не делало кузину такой несчастной.

Принцесса вздрогнула.

– Никто никогда не спрашивал меня, что я хочу.

Взгляд Бранвен скользил по волнам, потемневшим, когда солнце село, но из мыслей у нее не шли погибшие родители. Был Другой мир, который, возможно, лежал за волнами. Находились ли они там? Были ли счастливы? Единственное, что, как Бранвен знала наверняка, лежало за волнами – остров Альбион и их враг, королевство Кернывеу, на западном полуострове.

– Мы редко получаем то, что хотим, дорогая кузина, – сказала она. Эсси проследила за ее взглядом на берег.

– Я не забыла, что сегодня... – она кивнула в сторону моря. – С тобой все в порядке, Бранни?

В груди у Бранвен защемило. Она не должна была сомневаться в кузине. Эсси знала ее лучше всех.

– Этот день наступает каждый год.

– Это не ответ.

Бранвен вздохнула, и на переносице Эсси появилась морщинка.

– Мы редко получаем то, что хотим, но это не значит, что мы не должны пытаться, – сказала принцесса, подняв подбородок.

Ничто не могло вернуть родителей Бранвен, как ничто не могло изменить того факта, что Эсси родилась, чтобы править. Ее кровь диктовала ее будущее. Бранвен сжала локоть кузины. Она постарается быть более терпеливой.

– Если тебе не хочется развлекаться вечером, – сказала Эсси, – я извинюсь за тебя на празднике. Ты не всегда должна быть таким стойком.

Слабая улыбка коснулась губ Бранвен. Порой принцесса могла быть самоуверенной, но она по-своему глубоко ее любила. Через несколько месяцев после того, как родители Бранвен умерли, Эсси заползала к ней постель, чтобы кузине не приходилось сталкиваться с темнотой в одиночестве. Бранвен злилась – на мир, а Эсси – на мать, все еще живую, но не уделявшую ей внимания. Но Эсси все же приходила, ночь за ночью.

– Спасибо, – сказала Бранвен. Последнее, что она хотела, это разыгрывать хозяйку для самодовольного лорда Диармайда, но она была частью королевского дома и выполняла свой долг. Стоичество было единственным способом, который она знала.

– Я буду в порядке, Эсси. Это точно.

– Если ты уверена.

– Я уверена.

– В таком случае... Поможешь мне с прической?

Бранвен рассмеялась.

– Ни о чем не беспокойся, – заверила она. С Эсси она всегда была счастлива.

– Ты самая лучшая, Бранни! – пропела та, словно несколько секунд назад не была на грани слез. Настроение кузины менялось так же быстро и лихорадочно, как буря, но так же быстро и проходило.

Бранвен подтолкнула Эсси к замку.

– Иди с ней! – она бросила взгляд в сторону Кина. Тот кивнул.

– Обещай, что не задержишься слишком долго у волн, – сказала Эсси. – На берегу ночью небезопасно.

Она была права. Набеги Кернывака на Ивериу начались, когда Аквиланская империя отступила от острова Альбион до южного континента, и с каждым годом они умножались.

Тем не менее, Бранвен спокойно махнула рукой.

– Может, мне оставить с тобой Кина? – спросила Эсси.

– Хорошая попытка, – рассмеялась Бранвен. Принцесса всегда пыталась ускользнуть от бдительных глаз своего телохранителя.

– Я отдала бы все свои драгоценности за десятую часть твоей свободы, Бранни, – по своему обыкновению, пожаловалась Эсси.

– Ага, свободы собирать водоросли и грибы в лесу. Это ты просто обожаешь.

Изучение трав у ее кузины закончилось внезапно, после того как она заставила Дубтаха выпить одну из ее настоек, и тот пролежал в постели с болью в животе целых две недели.

Бранвен быстро погладила Эсси по щеке.

– Драгоценности за грибы! – передразнила она. – Барды будут распевать мою балладу повсюду: «Бранвен из зарослей вереска»!

– Прекрасно. – Со скоростью сокола губы Эсси сложились в озорную улыбку. – Не позволяй русалкам утащить тебя!

Бранвен наблюдала, как Эсси идет в сторону главных ворот, все еще немного пошатываясь от выпитого. Кин следовал за ней. Перед тем как скрыться из виду, принцесса крикнула:

– Люблю тебя, Бранни!

Последовал смех, которому вторил прибор.

– И я люблю тебя, – прошептала Бранвен, но море уже манило ее.

Вспыхнул умирающий луч солнца. Некоторые из ее соотечественников полагали, что лучи заполнены невидимыми эльфами. Они верили, что можно пересечь Завесу в мир Древних через холмы, такие как Курган Боярышника неподалеку от замка.

А вот Бранвен верила только в то, что могла видеть. Она считала, что существование эльфов или Древних было примерно так же вероятно, как и настоящая любовь. Единственная настоящая любовь, которую она испытывала, была ее любовь к тете и кузине. И к Ивериу.

«Волосы русалки» были разбросаны по мокрому песку. Бранвен нравилось прикасаться к морским камушкам, когда она брала водоросли и складывала их в корзину. В тот день, когда умерли ее родители, она была на пляже и строила замок из песка. Она вспомнила, как прорыла круговой ров с серьезностью мастера-строителя. Первая линия обороны. Ее народ воевал с королевством Керныв с тех пор, как Бранвен родилась. В шесть лет она уже поняла важность защищать то, что любишь. Песочный замок должен был быть подарком, извинением перед родителями. Она поругалась с ними, когда они уезжали, и отказалась попроситься. Пока их не было, она жаждала материнских объятий, хотела зарыться лицом в ее темно-красные кудри. Леди Алана всегда пахла розмарином. Бранвен все еще тосковала по всему этому.

Когда она завершала последнюю песчаную стену сложной извилистой формы, маленький светловолосый снаряд катапультировался прямым в ее объятия. Она потеряла равновесие, и они обе рухнули на вершущу замка. «Ты все испортила», – крикнула Бранвен. Эсси этого не заметила, весело катаясь по сверкающему песку, совершенно не обращая внимания на разрушение, которое совершила. Для нее это была просто игра...

Шуршание в подлеске, окружавшем пляж, заставило Бранвен вздрогнуть. Она ахнула и пригляделась. Корзина с «волосами русалки» упала на песок.

Это была лиса, пугливая и любопытная. Та же лиса, которую она видела в тот день, когда умерли ее родители. Тринадцать лет назад.

«Не может быть».

Лиса тявкнула, словно почувствовала ее скептицизм. Бранвен никогда никому не рассказывала эту историю: как этот зверек появился на пляже и посмотрел на нее со значением, за несколько минут до того, как появилась королева Эсильта с известием о смерти родителей племянницы. Тогда Бранвен задавалась вопросом, была ли лиса посланцем Древних, как в легендах. Став старше, она стерла это из памяти, как детскую прихоть, как глупую надежду на то, что кто-то в Другом мире о ней заботится.

Несмотря ни на что, Бранвен узнала красно-смородиновый блеск шкурки лисы. И ее белые уши. Такие красивые, такие необычные. Мерцающие сумерки придавали зверьку иллюзорный вид. Лиса устала в море, повела носом, словно принюхиваясь к чему-то, и снова тявкнула. Что она здесь делала? На что смотрела?

Бранвен тяжело вздохнула и лишь потом заметила: там был плот. Она могла запросто разглядеть человеческую фигуру, лежащую на нем.

Повернувшись к девушке, зверек поглядел на нее с надеждой. «Спаси этого человека», – умоляли черные глаза. Бранвен покачала головой. Что за нелепая идея?

Лиса раздраженно махнула пушистым хвостом.

Грудь девушки сдавило от желания повиноваться. «Шевелись!» – казалось, говорил зверек. Выдохнув, Бранвен с опаской подбежала к воде и вошла в холодную пучину.

Ей удалось схватиться за угол самодельного плота, только погрузившись почти по грудь. Она не могла видеть лицо лежащего мужчины – он не двигался.

Девушка отчаянно толкнула толстую вязанку плавника, направляя ее к берегу. Ей потребовались все ее силы, чтобы вытащить плот на пляж. Снова почувствовав песок под ногами, Бранвен опустилась рядом с незнакомцем, дрожа от напряжения и холода. Ощупывая его тело, как ее обучила королева Эсильта, она искала раны. Кое-как перевернув мужчину на спину, она продолжила поиски. Его туника была разорвана в клочья и пропитана кровью. На плече обнаружилась рана, тянущаяся по диагонали от сердца к животу. Она не казалась слишком глубокой, но, к сожалению, грудь мужчины не вздымалась. Он не шевелился.

Бранвен не знала, долго ли незнакомец был без сознания. Если не очень долго, и его душа еще не отлетела, она все еще может его спасти. «Поцелуй жизни», – так это называл ее отец. Однажды они с отцом сидели на берегу, и одна крестьянка позвала их к утонувшему рыбаку. Бранвен с замиранием сердца наблюдала, как отец оживил этого человека. Все крестьяне любили лорда Кэдмона. Еще маленькой девочкой Бранвен поняла, что, хотя отец и правил ими, он никогда не ставил себя выше подданных.

Пытаясь вспомнить этот далекий день, она начала давить на грудь незнакомца, не обращая внимания на кровь, пятнавшую ее руки. Ничего не случилось. Борясь с паникой, Бранвен склонилась над мужчиной.

Ей некогда было вглядываться в его черты. Но когда она это сделала, ее дыхание сжалось. Он был самым красивым мужчиной, которого она когда-либо видела, даже с порезами и синяками. Иностранец, конечно. Темные кудри, мокрые и окровавленные, облегли точеные скулы и четко очерченный рот.

«Соберись».

Бранвен за мгновение сконцентрировалась и легко нащупала пульс на шее незнакомца. Его коричневая кожа была подобна коже змеи на солнце. Может, он плыл на торговом судне с южного континента? Призывая всю свою храбрость, девушка прижалась губами к его губам. Они были солеными и невыразимо сладкими. Она зажала ему нос кончиками пальцев и вдохнула в него жизнь.

Ничего Бранвен не хотелось со дня смерти родителей так сильно, как спасти этого незнакомца. Она снова надавила ему на грудь и затаила дыхание, пока он не содрогнулся. Через миг он закашлялся и выплюнул на нее морскую воду. Несмотря на холод, пронизывающий тело, щеки Бранвен вспыхнули. Незнакомец захрипел и изверг на песок столько воды, что казалось, он проглотил все Иверникское море.

А потом, наконец, открыл глаза.

Он смотрел на свою спасительницу, пока приподнимался и выплевывал соленую воду. Бранвен отступила, потому что впервые в жизни почувствовала, что не может контролировать ситуацию.

Мужчина улыбнулся:

– Это был поцелуй?

Когда до Бранвен дошел смысл его слов, она непроизвольно облизала губы.

Голос незнакомца был странным. Хотя он говорил на ее языке, родом он был не из Иверни.

Глаза девушки недоверчиво расширились. Прекрасный незнакомец был кернывманом.

Бранвен только что спасла жизнь своему врагу.

Одаи эти ама

– Почему ты так смотришь на меня? – спросил кернывман, все еще тяжело глотая воздух. С колотящимся сердцем Бранвен повернулась и приготовилась уйти в замок.

– Подожди. Подожди, леди... *подожди!* – взмолился он.

Бранвен заколебалась и почувствовала, что слегка ненавидит себя за это. Она не желала оказаться в ловушке какого-то прекрасного пирата из Кернывака. Она *не* желала. Она чтит память своих родителей.

– Пожалуйста, дорогая леди, – произнес незнакомец, и голос его был низким и бархатным. – Клянусь честью, я не причиню тебе никакого вреда.

Бранвен резко повернулась к нему.

– Что толку от обещаний кернывмана? – спросила она, и он вздрогнул, будто от удара.

– Клянусь могилами моих предков.

Эта клятва заставила Бранвен остановиться. В тот день, когда лорд Кэдмон оживил рыбака, он объяснил дочери, что теперь несет ответственность за этого человека, пока к нему не вернется здоровье. Если отец не смог бы вылечить рыбака, то утратил бы честь. Это был путь Древних.

Теперь Бранвен должна либо помочь врагу, либо оставить его истекать кровью на берегу. И это означало бы бесчестье. Сжав руки в кулаки, она прошипела:

– Если со мной случится что-то предосудительное, это будет последнее, что ты сделаешь.

Полуутопленник усмехнулся:

– Я скорее потеряю руку, чем с тобой что-то случится.

– Это можно устроить.

– Если бы ты поранилась из-за меня, я бы заслужил это. – Теперь кернывман не смеялся.

– Очень хорошо, – коротко сказала она. Бранвен знала, какой выбор сделал бы ее отец в такой ситуации. – И в самом деле, обидно спасти тебя из волн только для того, чтобы позволить умереть на берегу. – Она протянула ему руку.

– Обидно, конечно, – сказал он, принимая ее руку; мозолистые подушечки его ладони оказались поразительно мягкими. Бранвен начала поднимать его, и кернывман слегка улыбнулся ей:

– Надеюсь, что однажды я смогу отплатить тебе за спасение. Если не жизнью, то другим поцелуем.

«Да как тебе не стыдно!»

Бранвен разжала руку, и он упал обратно на песок.

– Смерть предпочтительнее поцелуя кернывмана, – сказала ему она.

Он выгнул бровь:

– Ты хочешь сказать, что если бы знала, кто я, то позволила бы мне утонуть?

Бранвен не ответила. Вот этого она не знала. Когда она увидела незнакомца на плоту, она захотела спасти хотя бы его, раз уж не смогла спасти своих родителей. Но если бы иверман оказался на берегу Керныва, помог бы ему кто-нибудь?

В глубине души Бранвен практически услышала упрек отца: «Не имеет значения, что сделал бы керныве – только ты сама в ответе за свою честь».

«Проклятье на всех них!»

С трудом поднявшись на ноги, потрепанный незнакомец спросил:

– Как тебя зовут, леди? Мне хотелось бы знать, кому я обязан жизнью.

Она закусила губу, боясь доверить ему свое имя. Если этот человек узнает, что она племянница Энгуса, он может похитить ее, чтобы получить выкуп для королевства Керныв.

– Эмер, – сказала, наконец, Бранвен. Это была ее любимая героиня, жена самого знаменитого иверского героя. – Просто Эмер. Я не леди, – солгала она.

Кернывман пристально поглядел ей в лицо. Мог ли он распознать ее ложь? Она быстро повернулась, чувствуя себя такой уязвимой, и бросила через плечо:

– Следуй за мной.

Если Бранвен оставит этого мужчину на берегу, и его обнаружит королевская гвардия, это будет значить для кернывмана быстрый конец. С тем же успехом она могла бы бросить его обратно в мрачные глубины. Лучшим решением было отвести его в пещеру, спрятанную у моря. Во время прилива она была недоступной. Бранвен обнаружила эту пещеру, когда была маленькой девочкой. Она приходила сюда, чтобы спрятаться. Особенно после гибели родителей. Эсси никогда не могла найти ее здесь, когда они играли в прятки, и это сводило принцессу с ума.

Бранвен не оглядывалась на незнакомца, пока они шли, но прислушивалась к его дыханию. С каждым шагом оно делалось все более тяжелым. Краем глаза она заметила, что лиса наблюдает за их походом в пещеру.

Она зажмурилась. Зверек действительно был там. И это не была обычная лисица. Какой интерес ей – или Древним – в этом потерпевшем кораблекрушение незнакомце?

Кернывман внезапно пошатнулся, уткнувшись в плечо Бранвен, и она инстинктивно поддержала его. Незнакомец едва стоял, его зрачки были расширены. Он был обессилен из-за большой потери крови. Королева Эсильта научила Бранвен распознавать такие знаки, когда позволила ей помогать ухаживать за королевскими гвардейцами. Конечно, кернывман может представлять опасность для королевской племянницы, но только не в нынешнем его состоянии.

Нерешительно, надеясь, что не пожалеет об этом, Бранвен обняла незнакомца за плечи и поддержала.

– Пойдем, сэр...

– Нет, *не сэр*, – он словно дразнился, когда прохрипел это. – Просто Тантрис. Я – менестрель.

Она слегка встряхнула головой.

– Ладно. Держись, *просто Тантрис*.

Бранвен обняла его крепче, помогая идти, и он поморщился. Раньше она никогда так не поддерживала мужчину. Кернывман дрожал от холода, и она тоже вздрогнула... потому что вздрогнул он.

– Скажи мне, – спросила девушка, совладав с голосом, – как менестрель оказался полумертвым посреди Иверикского моря?

– Пираты, – ответил он сквозь зубы, судорожно втягивая воздух. – Я плыл на торговом судне. На нас напали.

Это казалось правдоподобным. Пираты Кернывака были грозой для всех мореплавателей северных морей, включая корабли собственного королевства.

– Твои соотечественники заносчивы, – сказала она.

Тантрис остановился. Бранвен пошатнулась вперед, затем повернулась.

– Не все кернывмены любят кровопролитие, Эмер, – сказал он.

Ледяные колючки стыда кольнули грудь Бранвен, пока она не вспомнила, что ей все равно, обидит ли она своего смертного врага.

– Что же они любят, кернывман? – захотела узнать она.

– Поэзию, – и он нескромно подмигнул ей.

Тьфу. Этот Тантрис едва мог стоять, и все же пытался очаровывать.

– Поэзию? – повторила Бранвен.

– Полагаю, что не могу говорить за *всех* кернывменов, но у меня есть слабость к стихам.

Она бросила на него непроницаемый взгляд.

– Вот как? Прочти мне одно из твоих любимых стихотворений.

– Ты многого просишь у человека с раной от меча, который только что вернулся из мертвых.

– Если ты не можешь прочесть даже одного стиха, как я узнаю, что ты действительно поэт, а не пират?

Они приблизились ко входу в пещеру, и под ложечкой у Бранвен заныло от нового страха. Была ли она такой безрассудной, чтобы остаться наедине с этим мужчиной? Конечно, лиса не хотела, чтобы она спасала обыкновенного пирата. Но почему, почему она последовала совету лисицы? *Лисицы!*

Тяжело дыша, Тантрис сказал:

– Полагаю, это наименьшее, что могу сделать для девы, спасшей меня из моря.

– Возможно. – Хотя, если быть справедливой, кернывман едва говорил и выглядел совсем плохо.

– *Одаи эти ама*, – начал он, его голос возвысился и катился, как волны, а Бранвен мысленно возблагодарила своих наставников за уроки языка Аквиланской империи.

– «Я ненавижу, но люблю», – прошептала девушка едва слышно.

Тантрис взглянул на нее, ошеломленный:

– Ты говоришь по-аквилански?

Бранвен застыла. По-аквилански говорили дворяне на южном континенте, на Западных островах Альбиона и Ивериу, а также на севере стран Скайна. Если Тантрис выступал при дворах правителей, у него были основания изучать этот язык. А вот простолюдинке, которой она представилась, это не требовалось.

– Только немного, – сказала Бранвен, прикусив язык. Разве можно притворяться так глупо, как она!

Он кивнул.

– Я ненавижу, но люблю, – снова начал Тантрис по-иверникски, поверив в ее обман. Бранвен вздохнула. – Темно на рассвете, светло в полночи, – продолжил он сначала по-аквилански, но когда девушка сделала вид, что не понимает, вновь перешел на ее язык. – Огонь, ошеломляющий, дождь, что горит. – Поэт быстро взглянул на нее. – Эта любовь, которую я ненавижу и ненавижу, потому что люблю.

Тантрис прижался лицом к ее руке, его губы опасно сомкнулись. Грудь Бранвен переполняли чувства, она застыла, охваченная волнением, граничащим с паникой. Она должна оттолкнуть его – она, действительно, должна. Поэт рядом с ней пошатнулся.

– Эмер... – Вместо того чтобы продолжить, Тантрис рухнул на песок.

Бранвен вздохнула и с огромным усилием отвела кернывмана в свое укрытие. В свое секретное место. Место, которым она никогда не делилась ни с кем.

По стенам пещеры переливался багровый свет. Заходящие лучи делали полубессознательного поэта еще более привлекательным, золотя его бронзовую кожу. Большинство изуверов Кернывака, которые грабили берега Иверники, были бледны, как сама Бранвен. Семья Тан-

триса, должно быть, иммигрировала в Керныв из другого места, некогда входившего в состав Аквиланской империи, которая владела Альбионом несколько поколений назад. Возможно, так он узнал эти стихи?

Она заметила крошечный шрам над правой бровью менестреля и нашла его обезоруживающе привлекательным.

«Он – мой враг, – напомнила себе девушка. – Неважно, какого цвета у него кожа. Он – мой враг».

Тантрис мог быть поэтом, а не пиратом, но его соплеменники убили ее родителей. Даже если его предки – выходцы с побережья Аквиланского моря, поэт был кернывманом. Его обаяние доказывало это.

Пока Бранвен спорила с собой, густые ресницы Тантриса затрепетали. Он посмотрел ей в лицо и улыбнулся.

Не реагируя на это, она сказала:

– Ты должен считать себя счастливым, Тантрис. Тебе повезло, что я не знала, что ты из Кернывака.

Королева Эсильта всегда говорила, что целители не могут выбирать своих пациентов. Древние были готовы исцелить того, кто встречался на их пути, будь они ворами или князьями. Станет ли королева распространять это правило и на кернывмена?

– Это было больше, чем удача, Эмер, – то, что привело меня к тебе. – Его голос звучал так уверенно, что Бранвен захотелось с ним поделиться. «Лиса, – хотела сказать она. – Это лиса привела меня к тебе».

До сего дня она убеждала себя, что лиса – просто плод ее воображения и горя. До сегодняшнего дня Бранвен думала, что Другой мир – это небылица, а Древние – не больше, чем лживые надежды. Но после сегодняшних событий...

Стиснув губы, она оторвала полоску ткани от своей нижней рубахи. Нет, это не тот предмет, который ей хотелось обсудить, и тем более с Тантрисом.

– Что ты делаешь, моя госпожа? – спросил он.

Она рассмеялась из-за намека на скандал в его голосе.

– Я собираюсь перевязать твою рану, – ответила она. Звук разрываемой ткани заполнил пространство между ними. Хорошо было сосредоточиться на чем-то практическом, а не на его глазах. Помогать этому человеку Бранвен заставлял долг, но не симпатия.

– Мне жаль, что она мокрая, – сказала она ему. – Это только временно. Я вернусь позже с моими снадобьями.

Прилив до утра не наступит, а она вернется раньше.

Он коснулся ее руки, и Бранвен покраснела. Она сражалась со своим смущением.

– Так ты целительница? – изумленно спросил он.

– Скорее, ученица.

Настоящей целительницей была королева Эсильта, Бранвен же еще многое предстояло узнать.

Тантрис попытался приподняться, опираясь на локти, но он был слишком слаб.

– Эмер, мой спасительница из Другого мира.

Бранвен закатила глаза:

– Я не из Другого мира.

Но она тут же задалась вопросом: почему Другой мир позаботился об этом кернывмане, а не о ее родителях?

Тантрис потянулся к Бранвен и намотал ее локон на свой указательный палец. Она отстранилась, хотя часть ее хотела приблизиться.

– Ты послана Другим миром, – сказал Тантрис, – и я не слышу других.

Его улыбка превратилась в гримасу, когда он рассмеялся. А еще через несколько секунд он уже ничего не слышал.

Бранвен вздохнула, когда Тантрис уступил усталости. Она закончила перевязывать его грудь и разожгла небольшой огонь, чтобы ему было теплее. Прежде чем отправиться в замок Ригани, Бранвен провела пальцем по шраму на его лбу. Кернвман не шелохнулся.

Каким-то образом она знала, что невидимая лиса все еще глядит на них.

– *Одаи эти ама*, – выдохнула девушка.

Он меня любит, он меня не любит

– Где ты была, Бранни?! – воскликнула принцесса, усаживаясь за туалетный столик. – Посмотри на мои волосы!

Голову Эсси украшала корона из перекошенных косичек.

Где она была? Спасала заклятого врага Ивериу, вот где. Дыхание Бранвен все еще не пришло в норму после того, как она бросилась обратно в замок, отнесла «волосы русалки» королеве и поднялась по лестнице в палаты Эсси.

– Сейчас я здесь, – сказала она, пытаясь ее успокоить. Как обычно, принцесса была слишком занята, чтобы заметить, что платье кухни влажное от морской воды. Бранвен была благодарна, что Кин отсутствовал. Уж он бы это точно отметил.

Эсси бросила взгляд в зеркало.

– Лорд Диармайд может прибыть в любую минуту, – она сияла, взволнованно улыбаясь. Бранвен совсем не считала, что северный лорд этого заслуживал.

Устремляясь к принцессе, она вытерла грязные руки о свое и без того грязное платье.

– Тогда лучше приняться за дело поскорее, – сказала она, забирая гребень из рук Эсси.

Когда она начала распутывать птичье гнездо на голове кухни, то заметила, что несколько прядей на темени Эсси пропали без следа. Несколько лет назад принцесса начала выдергивать волосы, когда нервничала. Она умоляла Бранвен не рассказывать об этом королеве. Бранвен тогда поскрипела зубами, но решила смолчать. Обе кухни были себе на уме.

Эсси зашипела, когда Бранвен вытащила золотые и рубиновые шарики, неумело привязанные принцессой к кончикам косичек.

– Ай, кухня! – воскликнула она. Игнорируя ее протесты, Бранвен гибкими пальцами развязывала узелки. Принцесса закрыла глаза. Бранвен провела гребнем по вискам кухни в успокаивающем ритмическом движении. Так она делала, когда они были детьми. Это напомнило Бранвен об отливе и низкой волне. Она любила постоянство вещей. И ей не нравилось странное чувство, которое она испытала наедине с кернвманом, появившимся на ее берегу.

Со все еще закрытыми глазами принцесса произнесла:

– Бранни, я хочу тебе кое-что сказать.

– Да? – ответила та, выбирая яркие красные ленточки из беспорядочной кучи на столе. Когда принцесса начинала разговор в таком ключе, это чаще всего означало, что она позаимствовала что-то у кухни без разрешения и потеряла это. Бранвен не представляла, как Эсси сможет жить без замка, полного слуг, заботящихся о ней, – но, к счастью, принцессе никогда не придется это узнать.

Бранвен разделила волосы своей кухни на две пряди по обе стороны от лица. Потом пропустила ленты цвета зимней вишни через косы, закрепив их сложным рисунком, называе-

мым «косой сладкого сердца». Принцесса была благословлена высоким лбом, указывающим на благородное рождение, который косы только подчеркивали. Лоб самой Бранвен не был таким высоким, но ее сердцевидное лицо было достаточно приятным. По крайней мере, она надеялась, что так оно и есть.

Ей стало интересно, может ли так думать и поэт из Кернывака. «Мой враг, – повторила она мысленно. – *Мой враг*».

– Так что ты хотела сказать мне, Эсси? – Бранвен решила отвлечься.

Ее кузина постучала по своей нижней губе, сдвинув брови так, как она всегда делала, прежде чем признаться, что съела последнюю из лавандовых конфет или позволила содержанию чернильниц высохнуть.

– Это насчет лорда Диармайда, – сказала она, не в силах встретиться с глазами Бранвен. Бранвен напряглась.

– И что с ним?

– Он... он пишет мне письма. – На щеках Эсси появились алые пятна. Это было более серьезным, чем конфеты или чернильницы.

– Какие письма? – Когда принцесса не ответила, Бранвен заглянула ей в глаза. – Какие такие письма, Эсси? – снова спросила она.

– Любовные письма, – призналась ее кузина, вздохнув. – Замечательные любовные письма. – Застенчивая улыбка скользнула по ее лицу. – Это так романтично.

– Это не романтично, Эсси! Твой отец может узнать! На самом деле. Это безрассудно. Что, если кто-то найдет их?

– Кто их найдет? Ты? – принцесса взмахнула рукой. – Понимаешь... вот почему я не сказала тебе раньше, – сказала она, и голос ее стал проникновенным. – Я знала, что ты так отреагируешь. Но тебе действительно не нужно беспокоиться, Бранни. Диармайд – потомок верховного короля Эогана Мугмедона. И, будучи старшим сыном, он унаследует замок Таламу. Это прекрасная партия. Отец одобрит.

Принцесса пристально посмотрела на нее, ожидая несогласия.

Бранвен открыла и закрыла рот.

– Кроме того, – сказала Эсси, отведя глаза, – я каждую ночь думаю о предложении руки от Диармайда! – Она рассмеялась, и в ее лице угадывались следы безрассудного восторга. – Его родители сопровождали его всю дорогу от Уладцтира. Это должно случиться. Как ты думаешь?

– Может быть, – ответила Бранвен.

Учитывая участвовавшие набеги Кернывака, брак принцессы с преданной иверикской семьей мог оказаться подходящей партией. В конце концов, иностранные правители располагали иностранными армиями.

Бранвен серьезно относилась к своей кузине.

Пропуская нитку пресноводного жемчуга через белокурые пряди ее волос, она взмолилась:

– Но, Эсси, ты почти не знаешь лорда Диармайда!

– А как хорошо я могу узнать кого-нибудь из мужчин, которых выберет для меня мой отец?

С этим трудно было спорить. Тем не менее, Бранвен бросила вызов:

– А как насчет лорда Конлы? Он был твоим фаворитом на празднике Имболгос. Ты не переставала болтать о нем месяцами.

– Кто?

– Лорд Конла Мумхайнцирский, – сказала она, связывая жемчужные нити.

– Ах, *он*. Он еще мальчик. Диармайд – мужчина. Он великолепен, и он сказал, что когда в первый раз увидел меня, то обрел солнце после долгих лет ночи... Этот человек умеет обращаться со словами. Он почти поэт.

Сердце Бранвен сбилось с ритма.

– Мужчины будут осыпать тебя сладкими словами, пока не получат желаемое. – «Особенно поэты», – напомнила она себе.

– Откуда тебе знать, Бранни? – Эсси бросила на нее ястребиный взгляд. – За тобой ведь никогда не ухаживали.

Бранвен сглотнула. Не в ее правилах было открывать другим свое сердце. Она завидовала способности Эсси бросать все свое существо во все тяжкие – и даже говорить о таком.

Девушка опустила глаза.

– О, Бранни, я не это имела в виду. Я...

– Все нормально. Ты права. За мной никогда не ухаживали. – Флиртующий полуживой кернивман в пещере – определенно не в счет. «Я ненавижу и люблю».

Эсси схватила кузину за руку и указательным пальцем начертила на ладони Бранвен знакомый символ. Ноготь принцессы царапал ее кожу. Бранвен прикусила язык.

Когда мастер Бекк учил своих подопечных алфавиту древнего языка деревьев – первого иверикского письма, – он указал на огромное ореховое дерево в саду замка и обернутую вокруг него жимолость. Они не могут выжить, будучи отделены один от другого, объяснил наставник.

Девушки объединили напоминавшую четырехгранный гребень букву, означавшую орешник, и спираль, означавшую жимолость. Это стало их паролем, их секретным знаком. Для них и только для них это означало: «Я люблю тебя, я понимаю тебя, ты не одна» – и все, что к этому относится.

– Нет тебя без меня, – сказала принцесса, когда закончила писать символ.

Бранвен подняла глаза:

– Нет меня без тебя.

Она пожала палец Эсси, взяла руку своей кузины и тоже начертала на ее ладони этот знак.

Горечь от слов Эсси исчезла без следа. Она поцеловала кузину в лоб. Она простила принцессу, бездумность которой стала ее второй натурой, и это было небольшой ценой, чтобы заплатить за ее любовь.

Одна сторона рта Эсси поползла вверх.

– Мы найдем для тебя достойного дворянина, Бранни, – настаивала она. – Не грусти.

– Я и не грущу.

Найти благородного дворянина было самой удачной из ее мыслей.

– Смотри. – Эсси вынула из сумочки увядший цветок. – Я нашла это для тебя, возвращаясь с берега.

Бранвен улыбнулась. Когда она сжала ладонью жимолость, то почувствовала, как пыльца рассыпалась, окрашивая ладонь. Это были жимолость и ореховое дерево, и они всегда будут такими.

– Спасибо, кузина, – сказала она.

Эсси взглянула на свое отражение в старом зеркале.

– О, Бранни! – Ее губы слегка изогнулись в улыбке. – У тебя волшебные руки. – Она коснулась жемчуга, сверкавшего на ее лбу. – Спасибо!

– Я рада, что тебе нравится.

Внезапно в ночи раздались пронзительные звуки рога у ворот. Стекло в узких дверях спальни Эсси едва не задребезжало.

– Они здесь! – воскликнула принцесса. – Вечером я узнаю, любит он меня, или нет!

Бранвен увидела сверкающие глаза кузины, желавшей броситься встречать лорда Диармайда. Она хотела, чтобы та была счастлива, но также хотела защитить ее слишком горячее сердце.

Вспомнив еще раз о прическе, Эсси сказала:

– Ты действительно спасательница жизни, Бранни!

Ее живот свело. Был кое-кто, чья жизнь на самом деле зависела от нее в этот самый момент. Бранвен решила ускользнуть с праздника, как только сможет. Ей не хотелось, чтобы Тантрис мерз, голодал или истекал кровью.

Даже если он *был* кернывманом.

Ее долг требовал этого. Вот и всё.

– Иди, – прошептала она в ухо Эсси. – Иди к лорду Диармайду. Я скоро приду. Просто будь осторожна с сердцем.

– Твоей осторожности хватит на нас обоих, Бранни. – Эсси хихикнула, в последний раз посмотрелась в зеркало и направилась к двери.

– Не задерживайся, кузина, – сказала она, исчезая в коридоре, словно сгусток энергии.

Бранвен смахнула упавшие лепестки с подола и осмотрела себя. Ее платье было пропитано морской солью, а волосы свисали беспорядочными черными космами. Хорошо, что принцесса была настолько одержима лордом Диармайдом, что не задавала слишком много вопросов.

Девушка коснулась губ, которые еще покалывало воспоминание о кернывмане.

Нащупав бурдюк с вином из бузины, она вытащила его и хорошенько приложила к голове немного зашумело.

Это ничто по сравнению с поцелуем жизни.

Бранвен услышала восторженный голос Эсси прежде, чем увидела ее.

Она прищурилась. Принцесса и лорд Диармайд задержались в задней части пиршественного зала, освещенной свечами, стоящими в стенных нишах. В тусклом свете она увидела, что ее кузина кокетливо постукивает себя по носу.

Когда северный лорд повернулся, чтобы приветствовать ее, его улыбка казалась принужденной.

– Добрый вечер, леди Бранвен. – Диармайд опустил голову, прикоснувшись к ее руке губами. Бранвен знала, что клан Парталана был важным союзником короля Энгуса, он контролировал большую часть провинций северного Уладцтира, и по этой причине она ответила лорду реверансом.

– Лорд Диармайд. Надеюсь, я вас не потревожила. – Эсси отметила краткость приветствия (хотя сам Диармайд этого не заметил) и бросила на кухню пристальный взгляд.

– Совсем нет, – заверил гость, и Бранвен в который раз отметила, что его вежливость отчего-то кажется ей неискренней. – Я всего лишь рассказывал нашей леди принцессе о том, как на пути сюда мы захватили нескольких пиратов Кернывака.

Бранвен овладела паника. Это могли быть те же самые пираты, которые атаковали судно, везшее Тантриса.

– О, правда? – сказала она, симулируя незаинтересованность.

– Мы отправили их обратно на свои корабли, закованных в кандалы. Хотя, по большому счету, стоило гнать подлецов до самого Керныва.

Во время дежурств в лазарете замка Бранвен подслушивала разговоры гвардейцев, ворчащих на ту же тему. Некоторым из провинциальных лордов очень хотелось взять дело в свои руки. Множились тревожные слухи, что король Энгус не в состоянии защитить Иверию от нападений Кернывака. «В Иверии не было гражданской войны уже нескольких поколений. Насколько реальна ее угроза сейчас? – думала Бранвен. – Может ли король фактически планировать союз Эсси с кланом Парталана, чтобы подавить инакомыслие среди младших лордов?»

Этот результат, несомненно, понравится Эсси в ее нынешнем настроении. Принцесса как раз взяла молодого лорда под руку жестом собственницы. На этот раз она явно была увлечена, хотя Бранвен не верила, что лорд Диармайд был тем самым любовником, о котором мечтала

ее кузина. Нет, она подозревала, что он был охотником за короной, как и большинство других дворян.

Бранвен была спасена от дальнейших разговоров трубой герольда, предвещающей пришествие короля и королевы Ивериу.

Под прикрытием звуков трубы Эсси прошептала на ухо кузине:

– Ну, что ты думаешь?

Она глянула на лорда Диармайда, который, возможно, и слышал их.

– У него приятное лицо, – прошептала Бранвен, что не было ложью. Северный лорд обладал серебристо-серыми глазами и квадратной челюстью. Хотя сравнивать его с поэтом из Кернывака было то же, что осколок стекла, обточенный морем, сравнивать со звездой. Она покраснела от этой мысли, поправив правый рукав платья.

– Я знаю! – радостно подтвердила Эсси, подмигнув Бранвен. Трубач замолчал, и принцесса обратила свое внимание на Диармайда.

Королева взглядом отыскала Бранвен. Как и всегда она была изящна, и преисполнена поистине царственного достоинства. Впрочем, вечерами королева Эсильта так была похожа на свою сестру, леди Алану, что это едва не разбивало сердце Бранвен. Слово ее мать стояла перед ней.

Королева подошла к Бранвен и Эсси, в то время как король Энгус остался у входа, разговаривая с другими гостями, включая родителей Диармайда, лорда Ронана и леди Фионнулу. Бранвен также заметила лорда Морхольта, первого бойца короля. Морхольт был ее дядей, но его манеры были так непохожи на королеву или ее мать, что девушке было трудно найти какое-либо сходство.

Море придворных расступилось перед королевой, склонив головы.

Почитание в их глазах не было показным. Королева Эсильта была любима в Иверниу. Когда-нибудь, как думала Бранвен, и Эсси будет вдохновлять на такую же преданность.

– Добрый вечер, леди королева. – Она встретила свою тетю глубоким реверансом.

– Добрый вечер, леди Бранвен. Я забрала «волосы русалки» из лазарета. Спасибо. – Королева пожала ей руку.

– Всегда к услугам. – Ответ застрял у Бранвен в горле. Упоминание лазарета снова наполнило ее страхом. Такая рана, как у Тантриса, может в любой момент открыться. Ей нужно возвратиться в пещеру.

Реверанс Эсси перед матерью оказался куда более легким. С другой стороны, лорд Диармайд во время своего поклона практически коснулся подбородком каменного пола.

– Леди королева, моя семья почитает за честь приглашение отужинать в замке Ригани.

– Это честь для меня, – мягко сказала королева, оценивая дворянина, стоящего так близко от ее дочери.

Не в силах удержаться, Бранвен сказала тете:

– Лорд Диармайд сообщил мне, что мы должны быть благодарны ему за отбитое нападение нескольких налетчиков Кернывака.

– О, в самом деле?

Лорд Диармайд облизнул губы, щеки его покраснели.

– Я... я всегда горжусь тем, что обнажал меч во имя Ивериу, – пробормотал он. – И моя семья, конечно, навеки благодарна королевской гвардии за помощь.

– А предоставлять эту помощь – наш долг и удовольствие, – сказала королева Эсильта. – Единое королевство – сильное королевство. Вы согласны?

Эсси взяла Диармайда под руку.

– Я согласна, матушка. – Она кисло улыбнулась. – В полной мере.

В отличие от баллад, принцесса обожала петь в реальной жизни, но Бранвен знала, что дворянке редко приходилось написать финал своей истории.

Лорд Диармайд кашлянул, словно подавился языком.

– Одна Ивериу навсегда, – пробормотал он, пока мать и дочь фехтовали взглядами.

Бранвен удалось насладиться его дискомфортом, прежде чем к ним присоединились лорд и леди Паргалан. До начала пира они продолжали обмениваться шутками, потом вежливый разговор перекинулся на кабана, пропитанного амброй, и на куски оленины. Было такое изобилие еды, что никто не заметил бы одной или двух пропавших свиных рулек.

Бранвен убежала, когда в зал вошли акробаты. Эсси была настолько поглощена лордом Диармайдом, что, вероятно, не заметила бы, если бы замок начали обстреливать камнями. Бранвен проникла на кухню, стараясь не попасться на глаза повару Треве. Ее руки дрожали, когда она наполняла корзину свежеспеченным хлебом, кусками вяленого кролика, копченой пикши и дикой черникой.

В прачечной она позаимствовала чистую тунику и штаны. Еще когда она принесла «волосы русалки», девушка уже упаковала останавливающие кровь травы. Тетя никогда не возражала, напротив, поощряла Бранвен совершенствоваться в лекарском искусстве; но ей не нужно было знать, что пациентом племянницы был кернывман. Тем не менее, сердце девушки билось быстрее, чем у любого жеребца.

Теперь у Бранвен было все, что нужно. Оставалось только собраться с духом, чтобы выскочить из замка. Ночью. Когда кернывмены мародерствовали на побережье.

Она бросила последний взгляд на безопасное пиршество.

Внутри находилась ее семья, ее соотечественники, все, кого она любила, все, кто ей доверял. Снаружи – опасность. Незнание.

Бранвен остановит кровотечение и страдание Тантриса. Эсси и королева были не единственными, кто теперь ей доверял. Кернывман тоже поверил в Бранвен.

Он верил в ее возвращение.

Прямо за пределами восточных ворот замка, в тени арки, в темноте сверкнула пара диких глаз. Ярко-желтых, как голодная луна. Лисица.

Бранвен почувствовала, что та защитит ее, хотя не понимала, почему. Она глубоко вздохнула. Действительно ли она выполняла приказы лисы? Зверек тьякнул, торопя ее. Тепло от сердца разлилось по всему телу девушки.

Она последовала за лисицей в ночь.

Женщина долга

Тысячу раз ходила Бранвен от замка к берегу, но никогда – в темноте. Плечи ее напряглись, она внимательно прислушивалась к треску веток или тихим шагам. Ничего не услышала, но все равно двигалась так быстро и тихо, как могла. И все это время лисица издалека следила за ней.

Приблизившись к пещере, Бранвен посмотрела на зубчатые очертания замка Ригани, сверкающие в свете часовых огней. Это был ее дом. Он был красив. Она сделает все, чтобы защитить его.

Так почему же она кралась в ночи, чтобы излечить раненого кернивмана? Несколько раз она остановилась и едва не возвратилась, но лиса подталкивала ее вперед. Мысли Бранвен вернулись к рыбаку, спасенному отцом.

Позже она его спросила, зачем он рискует собой для одного из своих подданных. «Бранни, – сказал ей лорд Кэдмон, – если ты хочешь, чтобы твои люди сражались и умирали за тебя, ты должна быть готова сделать для них то же самое. И если ты хочешь править в этом мире, лучше превратить врагов в друзей».

Бранвен чувствовала правду этих слов всем нутром, но чем больше времени проходило с тех пор, как она слышала сердечный смех отца, тем больше она сомневалась, что когда-нибудь станет столь же щедрой. Ее сердце не было достаточно благородным, чтобы следовать путем отца. Оно было более хрупким, чем она хотела признать.

Лисица на тропе издала жалобный протяжный вой. Это показывало, что Бранвен не должна больше задерживаться.

На входе в пещеру зверек снова тьякнул. Внутри не было света. Огонь должен был погаснуть. Бранвен с опаской вошла на цыпочках внутрь.

Быстрее молнии одной рукой ее обхватили за талию, а другой зажали рот. Все, что она принесла с собой, упало на землю. Бранвен пыталась сопротивляться, но ее держали крепко. Борясь с нахлынувшей паникой, она вспомнила уроки Кина по самозащите.

В физическом плане она явно проигрывала. Единственным ее преимуществом была внезапность. Бранвен укусила руку атакующего, и тот на секунду отпустил ее. Но прежде, чем девушка успела этим воспользоваться, чужая нога зацепила ее за лодыжку, уронив на каменный пол. Нападавший растянулся сверху.

– Что это за безумие, кернивман? – упрекнула она его.

Испуганное дыхание.

– Эмер? – Голос был полон тревоги и стыда. Голос Тантриса.

– А кто же еще может быть? – Бранвен вздохнула – одновременно со страхом и облегчением. Их губы снова были достаточно близки к поцелую жизни. Гнев и что-то еще напрягло все мышцы тела Бранвен. – Слезь с меня! – Она толкнула его в ребра.

Вскрикнув от боли, менестрель перекатился в сторону.

– Ты могла бы сообщить о своем прибытии, – сказал он, наклонив голову так, что тонкий луч лунного света омыл его лицо. Оно было и привлекательным, и раздражающим.

– Какое замечательное предложение, – сказала Бранвен. – Я сбегая и передам твое местонахождение королевской гвардии!

– Королевской гвардии? Так мы рядом с замком Ригани?

«Проклятый кернывман!» Она слишком много болтает. Кто знает, какова истинная цель его пребывания в Ивериу?

Тантрис задумчиво посмотрел на нее.

– Так ты служанка в замке?

Леди-горничная была не совсем слугой, но Бранвен кивнула. Пусть он этому поверит.

– Король не заплатит за меня выкуп, – солгала она. – Если это то, о чем ты думаешь.

Как она могла так легко попасть в руки своего врага?

Молчание Тантриса было мучительным.

– Ты считаешь меня похитителем, Эмер? – сказал он в ответ на ее грубое обвинение. – Если кто-то здесь и похититель, так это ты.

– Я?

– Да, *ты*. Перетащить полуутопленника в пещеру. Совершенно беспомощного.

– Беспомощного?

«Какая наглость!»

Фыркнув, она пихнула Тантриса еще раз.

– Ты должен научиться не кусать руку, которая тебя кормит.

Он застонал, и девушку захлестнула волна вины. Страх за свою жизнь дал ему силы напасть на нее, но он все еще был тяжело ранен.

– Если тут кто и кусается, то это *ты*, Эмер.

Бранвен негодуяюще вздохнула. Как она могла сочувствовать этому типу!

– Ну ладно. Счастливо оставаться.

Она поднялась. Тантрис поймал ее за край подола.

– Нет, подожди, Эмер, не уходи. – Он посмотрел на нее. – Прости мои глупые слова.

– Почему это? – сказала она, но не убежала. Она стояла неподвижно, а Тантрис поднялся на ноги.

– Потому что я должен сказать: это так смело – покинуть своды замка, чтобы помочь незнакомцу. – Было в этом что-то настолько музыкальное и соблазнительное, – должно быть, он был талантливым бардом. – Как и вытащить меня из моря.

– Я умею плавать, – пренебрежительно сказала ему Бранвен. Отец научил ее плавать, как только она стала ходить. Ему было все равно, что дворянки не должны были плавать. Лорд Кэдмон говорил, что они живут у моря, и он не может потерять дочь в волнах.

Тантрис посмотрел ей в лицо.

– Несмотря на это, мне действительно стыдно за то, что я напал на тебя. Ты застала меня врасплох.

Она почувствовала странную судорогу в груди.

– Я сказала, что вернусь, и сдержала слово.

Бранвен удивилась силе своих слов – они звучали, как у самой королевы Эсильты.

Тантрис встал на одно колено, как рыцарь перед своей леди.

– Ты действительно женщина чести, Эмер. Я больше никогда не буду сомневаться в твоём слове. Я твой слуга.

Ее щеки вспыхнули, и она надеялась, что лунный свет в пещере не был достаточно сильным, чтобы он это заметил.

– Встань, Тантрис. Только рыцарь может служить леди, а ты всего лишь менестрель.

– Конечно, – ответил он, сдержанно улыбаясь и поднимаясь.

– Твоя одежда разодрана в клочья. Я принесла тебе это. – Бранвен протянула ему чистую одежду как предложение мира.

Когда Тантрис принимал одежду, их руки на мгновение соприкоснулись, и Бранвен почувствовала жар его пальцев.

– Спасибо, – сказал он, и его темные глаза обожгли ее взглядом. Девушка несколько раз сглотнула.

– Пожалуйста. – Она откашлялась и скомандовала так же властно, как Эсси: – А теперь, будь добр, разожги огонь.

Бранвен ожидала очередного едкого замечания, но он просто склонил голову в знак уважения. Этот кернывман оказался весьма загадочным.

Он начал разжигать огонь, пока Бранвен собирала по пещере запасы, которые разбросала. Непослушным языком она вымолвила:

– Твой ужин испорчен, и виноват в этом ты сам.

Камень ударил камень, и в ночной мгле сверкнула искра. Веточки затрещали. Разгорелся огонь. В тишине казалось, что ни один из них не дышал. Взгляд Бранвен обратился вниз, и она указала на кусочки мяса, которые подобрала.

– Давай, поешь, ты, должно быть, голоден.

– И вновь благодарю, – сказал Тантрис, сидя у огня. – Ты не присоединишься ко мне? – В его вопросе звучала неопределенность, и Бранвен нашла ее бесконечно более соблазнительной, чем его комплименты.

Из своих юбок она вытащила мазь из бересты – против заражения, и лепестки арники – для облегчения боли. Тантрис вопросительно посмотрел на банку.

– Это – бальзам для твоей раны. Он может жечься, – предупредила она. Королева Эсильта научила ее, как готовить лекарство. – Я обработаю рану, и потом должна буду вернуться домой, пока меня не хватились.

– Я провожу тебя.

Сердце Бранвен заколотилось.

– В замок Ригани? Ты ищешь смерти? – После рассказов лорда Диармайда о набегах на Кернывак Тантрис встретил бы в стенах замка быстрый конец.

– Ты уже рисковала собой ради меня, придя сюда одна, Эмер. Я не могу позволить тебе сделать это снова.

– Я не просила твоего разрешения.

Его глаза настойчиво смотрели на нее.

– Это опасно, – сказал он.

– Можешь обвинить в этом своих соотечественников.

– Король Марк – добрый король, – сказал Тантрис, защищаясь. Он, очевидно, верил в это. Ноздри Бранвен раздулись.

– Как и король Энгус.

Он потер шею.

– Не будем ссориться, Эмер.

– Да, не будем. Ты едва мог добраться до пещеры с моей помощью, Тантрис. Ты будешь беззащитным ночью.

Тень пробежала по его лицу, когда он признался:

– Думаю, это так.

Менестрель сжал руки в кулаки. Она подумала – до боли в мышцах.

Бранвен присела рядом с ним и потянула за конец пропитанной кровью ткани.

– Ну, посмотрим на твои раны.

Она начала стягивать его тунику через голову, но Тантрис остановил ее.

– Что подумает твой отец о том, что ты раздеваешь иностранца? – Он помолчал. – Или твой муж?

Его сдержанность заставила ее рассмеяться.

– Если бы у меня был муж, ты предпочел бы, чтобы я позволила ране воспалиться?

– Я предпочел бы умереть, чем опозорить женщину, которая была ко мне так добра, – ответил Тантрис. Его тон не оставлял Бранвен никакого сомнения.

Она сморщила нос.

– Тантрис, я ученица лекаря, и это то, что мой долг побуждает меня делать. – Проговаривая это, Бранвен поняла, что это правда. – Ты опозорил бы меня, если бы не позволил мне помочь тебе.

К счастью для него, *она* не была принцессой. Честь самого королевства Ивериу была бы в опасности, обнаружь кто-нибудь Эсси наедине с мужчиной, который не был ни ее родственником, ни мужем.

Вздыхнув, Тантрис кивнул. Бранвен начала снимать с него тунику, и его торс полностью обнажился. От него пахло морем. Это было еще более опьяняющим, чем вино из бузины. Девушка осторожно удалила свою наскоро сделанную повязку с раны, которая после полудня стала кровоточить и, что было куда хуже, окрасилась зелено-желтым гноем. Способность Тантриса терпеть боль была поистине впечатляющей, но она также могла стать и опасной: хотя его порезы и были неглубокими, они все равно могли заразить кровь. Инфекция в крови может вызвать лихорадку, а лихорадка может стать смертельной.

Когда она сняла повязку, Тантрис наклонился и для равновесия схватил ее за плечи. Его лоб прижался к ней, его кудри щекотали ее лицо.

– Извини, – в тишине произнесла Бранвен.

– Ты не ответила на мой вопрос о муже, – сказал он. Его глаза блеснули, как золото в свете огня.

– Мужа нет. – На мгновение она вспомнила о кухне, задаваясь вопросом, сделал ли лорд Диармайд ей предложение на празднике. – И отца нет тоже, – добавила она.

Его взгляд исполнился огорчением.

– Прости, Эмер.

Она ответила тем, что мягко оттолкнула его, чтобы воспользоваться бальзамом. Пока она обрабатывала опухшую рану, Тантрис сжал губы, но единственным звуком в пещере был треск огня. Закончив, Бранвен обернула рану муслином и глубоко вздохнула.

– Мне не хотелось бы, чтобы ты снова грустил.

Подняв бровь, Тантрис спросил:

– Что сделать пациенту, чтобы понравиться своему целителю?

– Надеюсь, мази будет достаточно, чтобы предотвратить лихорадку, – сказала Бранвен, постукивая пальцем по подбородку. – Я вернусь завтра – как только смогу уйти.

Тантрис положил ладонь поверх новой повязки – и сердца.

– Не бойся, Эмер, – сказал он, смело поднес ладонь к ее щеке, чтобы успокоить ее раздражающие пальцы, а потом взял ее руку в свою. – Я буду жить, чтобы увидеть тебя снова.

Закрыв глаза, менестрель с почтением поцеловал ей руку.

В своей жизни Бранвен получила много официальных поцелуев, но никогда она не чувствовала себя так. Мягкость его сожженных солнцем губ побуждала ее смеяться или кричать, – или, быть может, и то, и другое.

Глубоко внутри Бранвен вздрогнула. Она всем сердцем хотела, чтобы он жил.

Она быстро встала.

– Спокойной ночи, Тантрис.

До последнего вдоха

Бранвен поднялась на рассвете, едва сдерживая беспокойство. Она провела ночь, ворочаясь и метаясь по постели, чувствуя, что она все еще среди волн. Каждый раз, закрывая глаза, она вспоминала губы Тантриса на своей руке.

«Всё этот ужасный кернвивман», – ругала она себя.

Когда она пересекала внутренний булыжный двор замка, ее руки ныли от тяжести подноса с завтраком для королевы Эсильты. Эта доставка не была частью регулярных обязанностей Бранвен, но необходимо было поговорить с королевой, для чего нужен был предлог. Если Трева и обнаружил, что просьба Бранвен – странная, головы в замковой кухне были слишком заняты, чтобы об этом задумываться, когда она радостно взяла поднос, уставленный горшками с маслом и вареньем из диких фруктов, вареными яйцами, беконом и свежеиспеченными сладкими булочками.

Апартаменты королевы Эсильты занимали всю западную башню, а король Энгус размещался в северной. Бранвен и Эсси жили вместе в южной башне, которая выходила в пиршественный зал. Когда Бранвен вернулась из пещеры, она обнаружила, что Эсси все еще льнет к лорду Диармаиду. Он так и не попросил ее руки на празднике, но принцесса убедила себя: это произошло исключительно потому, что он ждал Белотнию, праздник влюбленных, через две луны.

Кухина рано не вставала, особенно после вина и возбуждения предыдущего вечера, поэтому Бранвен знала, что у нее будет много времени наедине с королевой, если она сможет набраться сил, чтобы спросить то, о чем хотела бы узнать.

Она бросила взгляд на восточную башню, где жил бы наследный принц Ивериу, если бы королева родила Энгусу сына. Когда принцесса была моложе, она настаивала, что предпочитает быть единственным ребенком, но брат облегчил бы ее жизнь.

Вот почему вместо принца восточную башню называл домом дядя Бранвен, лорд Морхольт, хотя в ней не было ничего уютного или домашнего.

Бранвен скользнула под стрельчатую зеленую мраморную арку у основания западной башни и начала подниматься по винтовой лестнице. На замковых камнях в центре всех арок в башне королевы была нанесена резьба – изображение золотой арфы с серебряными струнами: символом Лайгинцтира. Королева Эсильта была гордой лайгинцтиркой. Так же, как и мать Бранвен.

Наклонив голову перед низким сводом коридора, ведущего в спальню королевы, девушка коснулась арфы двумя пальцами – одновременно дань уважения и мольба.

Финтан, начальник телохранителей королевы, выпрямился, увидев Бранвен. Это был медведеподобный человек с большим носом и редкими волосами.

– Доброе утро, леди Бранвен, – хрипло произнес он, открывая ей дверь.

Финтан выжил во многих битвах с Кернываком, доказательством чему служили его шрамы, хотя самые глубокие раны воину нанесла потеря его жены в родах несколько лет назад. Телохранитель утверждал, что не заинтересован в повторном браке, и Бранвен иногда задавалась вопросом, не была ли причиной тому преданность ее тете.

Когда Финтан доложил о прибытии Бранвен, королева Эсильта стояла у комода, перетирая пестиком травы. Похоже, она уже давно не спала. Королева кивнула телохранителю и обратила внимание на племянницу.

– Какой приятный сюрприз, – сказала она.

Сделав быстрый реверанс, Бранвен спросила:

– Куда поставить поднос?

– О, куда-нибудь туда, – королева махнула рукой в сторону комода.

Бранвен поставила поднос, и ее взгляд скользнул по нахмуренному лбу тети.

– Хочешь чаю? – Когда Эсильта произнесла последнее слово, она с удвоенной силой заработала пестиком.

– О, да.

Королева подняла глаза на племянницу:

– Прости меня, сегодня я немного расстроена. Чай – как раз то, что сейчас нужно.

– Разумеется.

В груди Бранвен вспыхнула догадка, пока она занималась тем, что наливала чай в чашку, на которой также была изображена золотая арфа.

– Нелегко быть матерью дочери, – сказала королева, скорее, про себя, пока измельчала травы в мелкий порошок. – Однажды ты это поймешь.

Бранвен никогда не думала о детях. Она просто предполагала, что останется с принцессой, когда та станет королевой. В девятнадцать лет это казалось естественным, а ее собственный брак не казался особенно важным.

Она принесла тете чаю, когда та устроилась в обитом гобеленом кресле у окна. Внизу волны бились о скалы, сверкая в утреннем свете.

У Бранвен засосало под ложечкой.

– Благодарю тебя, сердце мое. – Королева пронизательно посмотрела на племянницу и жестом предложила сесть. – Бранни... Эсси счастлива?

Бранвен почесала щеку, не зная, что сказать. Она подумала о недавно вырванной пряди волос, – но нет, она не предаст доверия кузины.

– Эсси, похоже, была счастлива в обществе лорда Диармайда, – ответила она, не желая делиться своими сомнениями по поводу всего этого.

Королева Эсильта поднесла чашку к губам и сделала небольшой глоток.

– Да. – Еще один глоток. – И он с ней. – В словах королевы был двойной смысл. – Лорд Диармайд будет подходящей партией, – продолжала тетя. – Но есть много вещей, которые нужно учитывать.

Бранвен понимала завуалированную просьбу королевы: «не позволяй Эсси прикасаться к нему».

– Конечно, – сказала она. – Долго ли лорд и леди Парталан будут гостить в замке Ригани?

– Возможно, недели две. Сегодня утром Морхолт отправился с лордом Ронаном собирать отчеты из деревень о появлениях налетчиков из Керныва.

Королева всегда говорила о своем брате с любовью. Бранвен не понимала, почему. Она считала, что ее дядя Морхолт – несколько непонятный мужчина с тяжелым характером, холодный, и отстраненный. Возможно, таково было сердце воина. Она сглотнула, думая о Тантрисе, и почувствовала проснувшуюся вину.

Королева заметила, что ее племянница взволнована, и с любовью погладила Бранвен по щеке.

– Мне жаль, что вчера мы получили новости об очередных нападениях кернвменов.
– Ничего.

– Послушай, Бранни. Мне всегда тяжело слышать такие новости. Вот почему вопрос о браке Эсси имеет такое значение.

– Я знаю.

Судя по всему, королева проверяла свою племянницу.

– Скажи мне, сердечко мое, почему ты решила составить мне компанию так рано утром?

Бранвен провела ладонью по верхней губе, глубоко вздохнула и сказала:

– Я хотела спросить тебя о Путиях Древних.

Глаза королевы сузились. Все подданные знали, что королева Эсильта была мастером Путей Древних, но Бранвен никогда не проявляла к ним интереса. Она отвергла любую роль, которую сверхъестественные силы могли бы сыграть в лечении пациентов.

– Что ты хочешь знать? – спросила Эсильта.

Бранвен втянула воздух сквозь крошечный промежуток между двумя передними зубами.

Через мгновение она решилась:

– Ты веришь в Другой мир? Что мы можем пересечь его границы на Кургане Боярышника?

– А ты? – уточнила королева.

– Я никогда не поверю в то, чего не вижу.

– Но ты веришь в любовь.

Бранвен кивнула и неловко отвела глаза от королевы.

– Другой мир – это как любовь, Бранни. Ты не можешь его видеть, но можешь почувствовать. Он вокруг нас, все время.

– Но... но... – начала она с трепетом. Бранвен никогда не верила в реальность места, если нельзя было протянуть руку и схватить судьбу руками. Возможно, она ошибалась. – И Древние действительно могут посылать нам сообщения?

Тетя положила локти на колени, наклоняясь к Бранвен.

– Что ты видела?

– Я... я не уверена...

– *Бранни!* – тихо велела королева.

– Лису, – призналась Бранвен, молясь, чтобы тетя не сочла ее сумасшедшей. Неужели она побеспокоила королеву из-за дикого зверька?

Выражение лица Эсильты не изменилось.

– И что сказала тебе лиса? – спросила она.

Что сказала лиса Бранвен? Спасти Тантриса. Но она не могла признаться в этом королеве Ивериу, хотя ненавидела бы себя за ложь. Не меньше. Лгать королеве было изменой. Она сжала зубы.

Наконец, Бранвен сказала тетке:

– Сделать из врага друга.

Это то, что сказал бы лорд Кэдмон, не так ли?

Губы королевы Эсильты образовали полумесяц.

– Хороший совет.

– Ты и правду думаешь, что эту лису отправили из Другого мира? – спросила девушка. – Что ее послали Древние?

Часть ее хотела, чтобы это было правдой, а другая боялась того, что это могло означать. Все, во что она верила до вчерашнего дня, внезапно сделалось таким неопределенным, когда она встретила Тантриса.

– Может, так оно и было, – признала королева, и ее голос был царственно торжественен. – Я уверена, что ты прирожденная целительница – точно такая же, какой была Алана. Богиня Брига одарила вас обеих своим исцеляющим огнем.

Брига была богиней очага и восхода солнца, исцеления и увлечения, если говорить языком поэзии.

Тело Бранвен напряглось под одеждой, в груди разлилась глубокая печаль. Раньше она считала, что исцеляющий огонь был метафорой. Однако если лисица была реальной, возможно, это значило нечто большее. Что-то, что она взяла от матери.

– Истинный целитель – не просто целитель людей, Бранни, – продолжала королева, – но целитель королевства. – Тетя вновь погладила Бранвен по щеке. – Пути Древних раскрываются, когда требуется. Я совершенно уверена, что однажды ты сыграешь важную роль в защите Ивериу.

– Я защищу ее всем своим сердцем.

– Я знаю это, моя племянница. Ивериу – твоя первая любовь, так же, как и моя. Вот почему Другой мир решил поговорить с тобой. Прислушивайся к его сообщениям.

– Спасибо, леди королева, – сказала девушка, чувствуя, как у нее сводит живот.

– Спасибо тебе, леди Бранвен. А теперь иди к Эсси.

Бранвен резко повернулась и вышла из покоев королевы, путаясь в мыслях о лисе и Тантрисе. Другой мир привел ее к поэту Кернывака. Он хотел, чтобы она спасла этого мужчину, укрыла его.

Ей нужно было верить, что Древние хотели защитить свое королевство так же сильно, как и она сама. Даже если Бранвен скептически воспринимала их цели, королева Эсильта верила в них, а Бранвен верила в свою королеву больше всех. Она сделает все возможное, чтобы сохранить свою землю.

Она будет защищать Ивериу до последнего вздоха.

Кровоточащее сердце

Ветер был свежим, и песок блестел под солнечным светом так же ярко, как снег. Перед тем как убежать из замка, Бранвен расплела милые косички Эсси и напоила ее отваром из ивовой коры, чтобы противостоять воздействию вина, выпитого в слишком большом количестве за рекордно короткое время, параллельно прислушиваясь к описанию танцевальных способностей Диармайда.

Что, если у Тантриса этой ночью была лихорадка?

Быстро шагая, девушка оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что за ней не следят. Строго говоря, поскольку она была дворянкой, Бранвен не должна была покидать замок без сопровождения, но королевская гвардия уже давно перестала отслеживать ее передвижения. Охранники привыкли к блужданиям горничной принцессы в лесу вдоль побережья в поисках целебных трав и ягод. Некоторые даже приходили к Бранвен за простыми снадобьями.

Она могла понять, почему Эсси казалось, что кухня обладает всей свободой в мире, но сейчас Бранвен не чувствовала себя свободной. Напротив, силы, находящиеся вне ее контроля, принуждали ее, держали в заложниках.

Оглянувшись на берег, Бранвен проскользнула через сеть корней и веток при входе в пещеру. Прилив отступил, и поздний утренний свет озарял камни, придавая им изумрудное свечение. Стены пещеры были из того же яркого зеленого мрамора, который заготавливали для строительства замка Ригани. Многие носили камень Ригани в кармане на удачу, и как оберег от злых людей.

– Эмер, – произнес мелодичный, но усталый голос. – Ты еще более ослепительна в сиянии солнечного света.

Бранвен наморщила нос, чтобы замаскировать смущение.

– Ты хорошо спал, Тантрис?

Со стоном, менестрель приподнялся на локтях и признался:

– Так себе.

Девушка словно воочию увидела жестокую боль, пронизывающую все его мышцы. Она попыталась оценить кернывмана беспристрастно, как и подобает целителю, не позволяя своему взгляду задерживаться на широких плечах под его туникой, или на том, как свет играл на его взмокших кудрях.

Бранвен подседа к нему с осторожностью: она боялась самое себя, когда находилась рядом с этим мужчиной. Она совершала измену – и все же это было то, что ей продиктовали Древние. Раскроют ли они когда-нибудь свои мотивы? Ее горло сковало спазмом.

Тантрис нахмурился:

– Ты здорова?

– Все нормально, – ответила она.

Он оглядел ее.

– А синий тебе идет.

Лиф ее платья был глубокого синего цвета, да еще и украшен тонким серебряным шитьем. Обычно Бранвен считала это платье слишком экстравагантным для повседневного использования, но она надела его специально для Тантриса и подвязала косы подходящей лентой.

Взволнованная комплиментом, она отвела взгляд, садясь рядом с менестрелем у потухшего костра.

– Вот, – сказала Бранвен, протягивая Тантрису пирожок с беконом, который она стащила из кухни, когда Трева отвернулся.

Кернывман поднес его к губам, и, когда запах жареного мяса достиг его ноздрей, было такое впечатление, будто ему больно. Страх скользнул в груди Бранвен. Недостаток аппетита был ранним признаком лихорадки.

– А что насчет этого? – спросила она озабоченно и, достав из кармана несколько ядрышек фундука, уронила в его ладонь.

– Орехи? – Тантрис поднял голову. – Ты выбрала их специально для своего пациента-поэта? – сказал он, хотя сегодня утром его улыбка была менее самоуверенной.

Нервничая, она спросила:

– Что такое?

– Мы в Керныве считаем, что фундук полон поэтического вдохновения.

– Ой. У нас так же. – Она покрутила орех. – Я даже не подумала об этом.

Тантрис поймал ее взгляд и присел.

– Возможно, мы не такие уж разные, Керныве и Иверни. – Он бросил орешек в рот и начал жевать.

– Я бы не заходила так далеко, – сказала Бранвен.

Тантрис побледнел, закончив жевать.

– Я не так уж голоден.

Она боялась этого. Несмотря на всю логику, забота о нем превысила то, что Бранвен когда-либо испытывала к пациенту. Встряхнув головой, она снова осмотрела мужчину. Тантрис опустил свой взгляд на грудь, когда она ахнула. Теперь, когда он сел, на его новой тунике появилось свежее багровое пятно.

– Наверное, у меня кровоточащее сердце. – Он пожал плечами, затем нахмурился от боли.

– Это не смешно.

– Отчего же? Немного смешно.

– *Нет*, – резко сказала она. Накажет ли Другой мир Бранвен или ее королевство, если она не спасет жизнь человека, находящегося под его защитой? Она наклонилась ближе, очень близко, и нажала двумя пальцами на его тунику. Тантрис застонал. Рана закровоточила сильнее.

– Бальзам не помог. – Бранвен говорила бесстрастно – она научилась такому у королевы Эсильты, чтобы не расстраивать болящего. «Солги», – объясняла тетя Бранвен.

– Не думаю, чтобы какой-нибудь человек мог отказать тебе в этой просьбе. – То, как бегали его глаза, совсем ее расстроило. Тантрис оглядел ее. – Ты выглядишь взволнованной, – сказал он, откидываясь на камень.

– Я не волнуюсь, – солгала Бранвен.

– Тогда обеспокоена?

– Да, обеспокоена. – Она решительно улыбнулась и, с большой осторожностью, сняла с Тантриса тунику. Вся его грудь была в крови.

Бранвен была поражена. Вчера вечером она должна была зашить рану, но боялась, что ее будут искать в замке. Пациент Бранвен мог умереть из-за ее опрометчивости.

– Все будет в порядке, Эмер. Бывало и хуже.

– Ты видел много битв, как *поэт*? – Она издевалась над ним, пытаясь скрыть свой страх. Его лоб прорезала глубокая морщина.

– Я способен владеть собой. Я веду свой род от великих воинов Картагона, – сказал Тантрис.

Уголки рта Бранвен поползли вверх. Осада Картаго в Аквиланской империи была легендарной. Порт управлял проливом Алиссар, и картагоны продержались более года, прежде чем город пал.

– Вот как? Твоя семья с южного континента? – спросила она, не только потому, что ей было любопытно, но и потому, что хотела отвлечь Тантриса, пока решала, как ему помочь.

– Предки моего отца прибыли в Керныв с легионами Аквилана.

Несмотря на поражение, воины Картагона были отмечены за храбрость и зачислены солдатами в армию Аквилана. На уроках истории мастер Бекк рассказывал воспитанницам, что империя Аквилана была настолько процветающей, потому что ее военные вознаграждали достойных, а не высокорожденных.

Пока Тантрис говорил, пошла более черная кровь. Бранвен сглотнула.

– Народ моей матери с полуострова Кернывак, хотя, – продолжал он, задыхаясь, – я – кернывман, до конца. – Он, казалось, защищался. Бранвен хотела бы знать, почему, но не хотела спрашивать, и ей не нравилось напоминать себе, что он – ее враг.

Тантрис зажмурился. Она коснулась пальцем темной крови, подняла ее к носу и понюхала. Солоноватая. Медлить дольше было нельзя.

Вытащив флакон из своего лечебного набора, Бранвен сказала ему:

– Выпей.

– Что это? – спросил он.

– Настойка.

Пальцы Тантриса плясали, когда он взял флакон; от его пальцев начало покалывать ее собственные.

– «Пыльца Клиодны» и кое-что еще, – сказала Бранвен, ударив камень об пол, чтобы разжечь огонь.

«Пыльца Клиодны» был розовым цветком, найденным у подножия деревьев в лесу, окружающем замок. Названный в честь королевы Другого мира, чье пение могло исцелять больных, порошок в умеренном количестве мог снимать боль.

Тантрис повертел все еще не откупоренный флакон.

– Ты мне не веришь, Тантрис? – спросила Бранвен. Это прозвучало как упрек.

Он вздрогнул и скользнул пальцами по ее щеке в лихорадочном, интимном жесте. Прикосновение было настолько правильным, настолько естественным.

– Вверяю тебе мою жизнь.

Глядя в глаза Бранвен, Тантрис одним глотком осушил содержимое флакона. Его глаза почти сразу расширились.

– Кто научил тебя Путям Древних? – спросил он несколько мечтательно.

Девушка застыла. Она не могла сказать Тантрису, что этому научила ее королева Ивериу, и что в действительности она не была Эмер, служанкой в замке.

– Женщины в моей семье всегда были целительницами. – Это была, по крайней мере, правда. – Закрой глаза и перестань говорить.

– Это сладкие слова для любого мужчины. – Улыбка разошлась по его лицу, даже когда «пыльца Клиодны» овладела им.

Не обращая внимания на это замечание, Бранвен достала из сумочки вышивальную иглу и погрузила ее кончик в уголки.

– Ты не должен смотреть, – сказала она ему.

Затем Бранвен вытащила из своего подола несколько ниток, заботливо связала их, а затем положила иглу в огонь. Она ждала, пока кончик не побелеет, прежде чем вынуть ее из углей. Королева Эсильта научила ее, что если сначала нагреть иглу, будет меньше шансов заразиться.

Она подняла одну из рук Тантриса и увидела, что он плавает во сне. Скоро он похолодеет. Но она не могла дожидаться.

Бранвен попыталась успокоиться.

Игла пронзила края раны с хлопаящим звуком, и Тантрис закричал от жуткой боли. Бранвен почувствовала, что ее собственное сердце остановилось и потом стукнуло несколько раз. Она всегда предпочитала вышивке уроки аквиланского языка, но на этот раз была рада, что приобщилась к занятиям дворянок.

Она начала сплетать сложную паутину швов над сердцем Тантриса, с каждым уколом вознося мольбу Другому миру, чтобы ее работы хватило для спасения жизни поэта. Этот стежок назывался «любовным узлом», – что было странно для врага.

Тем не менее, пока ее пальцы сшивали его плоть, Бранвен больше не видела в Тантрисе кернвмана – просто человека. Человека, который нуждался в ее помощи. И его сердце было буквально в ее руках.

Менестрель пришел в себя. Бранвен надеялась, что «пыльца Клиодны» будет достаточно сильной, чтобы он мог проплыть через самую страшную боль в море снов. Перед тем, как полностью очнуться, Тантрис открыл глаза. Они были блестящими и живыми.

– Эмер, я верю, что ты связала узлами мое сердце.

Бранвен не могла удержаться от маленькой обнадеживающей улыбки. Он послал ей кривую усмешку, и она наблюдала, как его унесли волны беспамятства.

Укус тени

Бранвен оставалась с Тантрисом, пока не прошел кризис, и вернулась в замок Ригани совсем без сил. Вечерний свет пылал на ее щеках, когда она направилась прямо в кухню замка, отчаянно нуждаясь в живительной чашке чая.

– Леди Бранвен? – Трева поднял глаза от жареного поросенка. – Королева заходила к нам и искала тебя. Потом ушла в лазарет.

– Когда?

– Наверное, с полчаса назад.

Чувство вины возобладало над усталостью, и Бранвен метнулась к винтовой лестнице, которая вела к замковым погребам, где находился лазарет. У Треввы не было возможности спросить, чего же хотела девушка – она уже убежала.

В мраморном подземном коридоре, как в пещере, светила свеча. Бранвен надеялась, что сны Тантриса были безмятежны.

Женский крик эхом отозвался от стен, когда она подходила к лазарету королевы. Ярость закипела в ее венах при этих звуках, вытесняя поэта из ее разума.

– Бранвен! – Королева Эсильта с облегчением выдохнула ее имя, когда она вбежала через дверной проем. – Спасибо, что пришла. – Тетя погладила дергающиеся брови женщины, чей крик слышала Бранвен, и благодарность на ее лице отозвалась в сердце девушки.

Женщине, которая корчилась на узкой койке, было не больше двадцати лет.

– Прости, что задержалась, моя королева. Я пришла, как только услышала, что ты искала меня.

Стоявшая рядом с матерью Эсси опустила веки, как бы спрашивая: «Где ты была?» Бранвен проигнорировала ее. Она не могла объяснить.

– Ты пришла вовремя, – сказала королева Эсильта. – Успокоительное, которое я дала ей, как раз должно было подействовать.

– Что еще нужно? – спросила Бранвен.

– Еще одна пара рук.

– Она имеет в виду – более опытных рук, – пробормотала принцесса, остужая лоб пациентки кусками льда.

– Они – твои, – кивнула Бранвен королеве, которая ответила ей слабой улыбкой. Бранвен это было как кинжал в груди. Она должна была быть здесь. Она должна была быть здесь, служа своей королеве и своей соотечественнице. И – никому из Кернывеу.

Пациентка застонала, и Бранвен бросилась к ее постели.

– Это Сирша, – сказала королева. Рыжеволосая женщина стонала в бреду. Возможно, она узнала свое имя в тумане боли. Возможно, нет.

Королева Эсильта пробормотала успокаивающие слова ей в ухо и указала на разорванную юбку женщины, обнажающую бедро. Бранвен осмотрела рану. Разумеется, она была нанесена

мечом. Бедро было опухшим, а из раны сочилась черная кровь пополам с желтоватой слизью. Чувствовался характерный запах инфекции. Это было именно то, чего она старалась избежать в уходе за Тантрисом.

Бранвен глянула в сторону своей кухни. Челюсти Эсси были сжаты сильнее, чем у статуи. «Она делает все возможное, чтобы оказаться полезной», – подумала Бранвен. Только вот принцесса всегда ненавидела вид крови. Ее лицо было бледнее белого.

Когда Эсси было семь лет, а Бранвен девять, принцесса нашла кролика в ловушке. Она настояла на том, чтобы освободить животное, не зная, что освобождение из металлического силка приведет к тому, что зверек истечет кровью. К тому времени, как девочки принесли беднягу в лазарет королевы, кролик был мертв, а платье Эсси – окрашено алым. С тех пор она отказывалась есть мясо кроликов Травы и при всяком удобном случае избегала посещения лазарета.

Должно быть, королева действительно отчаянно нуждалась в помощи.

Сирша снова застонала. Бранвен обратила свое внимание на зазубренную рану.

– «Укус тени», – сказала девушка тихо. Плоть вокруг разреза побелела и была почти бесцветной. Однажды она видела нечто подобное у одного из гвардейцев.

– Да, – королева подтвердила диагноз Бранвен. – Что случилось?

– Кернывмены! – прорычал чей-то голос, и Бранвен узнала Кина. Она посмотрела в угол комнаты, где тот стоял на страже. Она не заметила его сразу. Мускулы воина напряглись от ярости. Их глаза встретились, и Кин немного успокоился.

– Крестьяне из Дугорта привезли Сиршу вскоре после полудня, – объяснила королева. – Селение было атаковано на прошлой неделе. Боюсь, они слишком долго ждали.

Как долго Тантрис дрейфовал на плоту, прежде чем Бранвен его нашла?

– Она потеряет ногу? – спросила девушка тетю. Гвардейцу, о котором она вспомнила, ампутировали руку, чтобы спасти его жизнь.

Королева коснулась плеча Бранвен.

– Мы постараемся выжечь инфекцию, – сказала она. – Вдвоем это сделать легче. После этого все зависит от Древних.

Бранвен сглотнула. Ей не нравилось оставлять что-то в руках Древних.

Вытерев нос, Эсси сказала:

– Я рада, что ты пришла сюда, Бранни. Я думала, мне станет дурно. – Ее тон был легкомысленным, но Бранвен обнаружила в глазах кухни следы сожаления.

– У всех нас есть свои таланты, дорогие мои, – сказала королева. Она погладила Эсси по голове, и принцесса съежилась. Нахмурившись, королева сказала: – Принеси ведро горящих углей от Травы, хорошо?

Эсси отошла от постели пациентки.

– Конечно, леди королева. Я очень талантлива, когда нужно куда-то сходить и что-то принести.

Королева тихо фыркнула, что было похоже на раздражение.

– Спасибо, – сказала Бранвен кухне, встретив ее взгляд. Эсси толкнула ее.

– Все для тебя, Бранни, – сказала она и бросила надменный взгляд на мать, прежде чем выйти из лазарета.

Сирша дернулась, когда дверь захлопнулась. Королева Эсильта вздохнула.

– Кин, – сказала она, – поверни Сиршу на бок, а затем крепко держи ее. Бранни, ты сможешь мне слить излишек жидкости, пока мы не начали прижигание.

Раздувшуюся ногу пациентки нужно было наклонить под углом, чтобы кровь и гной могли стечь в стоящее на полу ведро.

Кин и Бранвен склонили головы в знак согласия; при этом телохранитель бросил на девушку пристальный взгляд. Нервы Бранвен натянулись, как струна, но она не могла подвести свою королеву. И не могла допустить потери своей пациентки.

Когда Кин положил Сиршу на койку, женщина застонала, и Бранвен заметила, как ее плечи напряглись. Боль соотечественницы затронула его куда глубже, чем девушка могла бы заподозрить. И все же когда королева Эсильта передала Бранвен тонкую оловянную трубу для отвода гноя, сперва она отказалась.

– Я не всегда буду здесь, – сказала ее тетя твердо. – Ты – моя ученица, и ты знаешь, что делать.

Стараясь, чтобы ее пальцы не дрожали, Бранвен взяла инструмент. Она крепко держала трубку, пока королева разминала область у раны круговыми движениями. Сирша издала наполненный страданием крик.

Почему Древние послали сегодня Бранвен к Тантрису, а не сюда, где в ней нуждалась ее семья?

«Сконцентрируйся!» – упрекала она себя.

Мало-помалу Бранвен с королевой вывели гной из раны. Капли пота выступили на лбу Кина, пока он удерживал Сиршу, но руки телохранителя ни разу не дрогнули. Он не произнес ни звука. А вот руки Бранвен начали трястись, и она сквозь пелену увидела, как Эсси снова появилась с ведром углей.

Принцесса с глухим стуком опустила тяжелое ведро на пол.

– Нужна помощь? – спросила она Бранвен.

– Держи ноги Сирши, – ответила королева. Эсси кивнула и прижала лодыжки пациентки к соломенной подстилке без дальнейших комментариев.

– Надеюсь, мы очистили рану так хорошо, как это только возможно, – сказала Эсильта Бранвен, и в груди ее разлилось тепло. Вера королевы означала всё. – Теперь, возьми это. – Она выдернула трубку из рук Бранвен, вручив взамен кочергу, похожую на те, что используются в кузнице, только более короткую и тонкую. – Опустит конец в угли, а затем вставь в рану.

Живот Бранвен свело. Не от брезгливости, а от страха, что она недостаточно умела, чтобы спасти ногу этой женщины.

Королева указала на мягкую плоть верхней части бедра Сирши, рядом с раной.

– Будь осторожна, не прикасайся к этому месту. Под ним находится артерия, снабжающая кровью все тело. Если она разорвется, мы не сможем остановить кровь.

Бранвен подняла глаза на королеву и тихонько вздохнула.

– Ты можешь это сделать, Бранни, – заверила ее Эсси. – У тебя волшебные руки, ты помнишь?

Бранвен едва сдержала нервный смех, пытаясь собрать все свое мужество. Принцесса не отличалась от своей матери настолько, как ей самой хотелось бы верить.

Осторожно, методично, Бранвен опустила железный инструмент в ведро. В отличие от иглы, которую она использовала при лечении Тантриса, угли нагревали весь стержень. Стиснув зубы, она коснулась раскаленной кочергой открытой раны.

Крик Сирши пронзил Бранвен до самого нутра. Его эхо останется с ней навсегда. Но она не остановилась. Она не могла остановиться. Она погрузила стержень еще глубже, и не отнимала металла от плоти, пока кровь не запеклась.

Наконец, она почувствовала руку на локте и спокойный голос королевы у уха:

– Ты отлично справилась. Я считаю, что мы предотвратили заражение. – Поцелуй в щеку. – Я закрою рану, Бранни. Отдыхай.

Потерявшая последние силы девушка могла только кивнуть с облегчением.

В тот же миг Эсси обвила рукой талию Бранвен, притягивая ее к себе, подальше от матери. Королева вздохнула.

Незадолго до того, как кузины вышли из клиники, Кин подошел к Бранвен. Восхищение наполняло его темно-голубые глаза.

– Леди Бранвен... – Она наклонила голову, и воин сглотнул. – Отдохни... хорошо отдохни, – сказал он. Казалось, он устал еще больше, но Эсси уже тащила Бранвен через порог.

Она подошла к южной башне в оцепенении, принцесса крепко держала ее, и на этот раз молчала.

Эсси помогла Бранвен вылезти из платья; если бы не она, то девушка заползла бы под пуховое одеяло прямо так – растрепанная и измазанная чужой кровью. Принцесса быстро юркнула к ней. Она поставила свечу на ночной столик, и тьма вокруг них рассеялась.

– Хочешь я спою тебе песенку? – предложила Эсси. – «Однажды на острове Ивериу, жила-была девушка по имени Бранвен из зарослей вереска», – начала она нежным сопрано. Бранвен захихикала в подушку, ободряя свою кузину. – «Она не заботилась о балах или сногшибательных лордах, а о страдальцах и бальзамах думала неустанно!»

– О, Эсси! – Она попыталась шелкнуть усталой рукой принцессу по носу, но промахнулась. Что и говорить, язычок у ее кузины всегда был острым. Черта, которая роднила их с Тантрисом. Бранвен вздрогнула.

Может ли принцесса Ивериу понять, почему она чувствовала себя обязанной защищать кернывмана?

Пока Эсси продолжала свою колыбельную, Бранвен балансировала на тонкой грани между сном и явью. Она почти уснула, когда ее кузина сказала:

– У меня нет таланта к целительству, Бранни. У меня вообще нет талантов. Я бесполезная...

– Ты не бесполезная, – пробормотала изнуренная до предела Бранвен.

– Единственное мое назначение – воспроизводство наследников. И мне даже не разрешают выбирать, с кем я их воспроизведу!

Бранвен повернулась к кузине, притянула к себе и погладила по волосам.

– У тебя талант любить людей, Эсси. Так, чтобы они чувствовали себя любимыми. – Бранвен поцеловала принцессу в лоб. – И это величайший талант, который может иметь королева.

Эсси начала возражать, но Бранвен оттолкнула ее.

– «Нет тебя без меня».

– «Нет меня без тебя».

Бог диких тварей

Солнце низко висело в небе, когда Бранвен пробиралась к Тантрису. Не только из-за страха быть замеченной она шла окружным путем – девушка почти не думала об этом. Несмотря на то, что долг звал ее. Несмотря на убеждение ее отца в том, что можно подружиться с врагами. И даже несмотря на Древних, о которых она не думала.

Проснувшись, Бранвен провела несколько часов у постели Сирши, отирая ей лицо и меняя припарку на бедре.

Кто-то должен был ответить за то, что случилось с Сиршей.

Должен ответить Кернывеу. Тантрис был на Иверникской земле, так почему бы и нет? Сирша заслуживала отомщения нападавшим. И разве Бранвен не отказала ей в этом, пряча кернывмана прямо под носом королевской гвардии?

Да! Да, так оно и было. И все же она отказалась от предложения Кина прогуляться вместе, заявив, что ей нужно побыть в одиночестве. Понимающий взгляд вызвал у нее стыд – и это правильно.

Ветер разметал волосы Бранвен по лицу, и она облизнула соленые брызги с губ. Если бы в тот день она не добралась до берега, ее преданность не сломалась бы. *Если бы.* Два самых бессмысленных слова, которые она знала.

Бранвен приложила руки к глазам и разглядела против солнца за волнами мужчину.

Тантрис! Что он делает за пределами пещеры? Она всем рисковала для него, а он так безрассудно разоблачает себя! Прорывав несколько ругательств, которым научилась у охранников, девушка пустилась бежать. Гнев, пылающий внутри нее, заставил Бранвен оставлять глубокие следы, вздымая песок до колен. Ближе к воде песок был плотнее, и она ускорила шаг.

Оказавшись рядом с Тантрисом, она едва сдерживалась, чтобы не свалить его на землю и не поколотить за эту явную глупость. Она уже подняла руку, чтобы схватить его за тунуку, ударить или что-то в этом роде...

– Эмер! – крикнул он, развернувшись. – Эмер, посмотри!

Она остановилась, раскрыв рот. Кожаная сумка, свисающая с плеча, ударила ее по бедру.

Что-то крутящееся в руках Тантриса оказалось лисой.

«Что?!»

Бранвен подумала, что это привидение. Она была так уверена. Зверек зарычал. Видимо, лиса поранила заднюю лапку, ее когти царапали руки Тантриса. Бранвен прижала руку к груди и шумно выдохнула.

– Она попала туда, – объяснил Тантрис и указал на что-то за пару шагов перед ними.

Там была яма. Ловушка. Она была накрыта песком и прибрежной травой. Не слишком глубокая, но утыканная заостренными палками, как свирепыми челюстями.

– Ты ее спас? – Бранвен не могла подавить недоверие в голосе.

Он поднял брови.

– Я слышал, как кто-то плакал. Что еще я мог сделать?

«Так же, как Эсси с кроликом».

– Не думала, что кернывмены заботятся о раненых животных, – огрызнулась она, когда ее гнев угас.

– А ты – эксперт по Керныву?

Взгляд Тантриса, обращенный к ней, был горяч. В том числе и от обиды. У Бранвен тут же пересохло во рту. Она не думала, что может причинить ему боль. Тем не менее, она заявила:

– Я знаю все, что мне нужно знать.

Она не хотела идти на поводу у Тантриса только потому, что он был первым кернывманом, с кем она вела беседу.

– Это все, во что ты веришь. – Горечь в его глазах сменилась печалью. Лиса вертелась, и Тантрис сказал ей: – Постарайся не кусаться. – Поглядев на Бранвен, он добавил: – Это касается и тебя.

Бранвен фыркнула.

– Ты уверен, что ты менестрель, а не придворный шут, а?

Он слегка улыбнулся в ответ.

Это было неправильно. Ей хотелось услышать его смех, свободный и легкий. Только Древние знали, почему. Ее взгляд упал с его лица на грудь. Ткань снова была запятнана темно-рубиновым.

– Ты разорвал швы, – сказала она.

Тантрис пожал плечами. Опустившись на корточки, он бормотал что-то лисе тихим, успокаивающим голосом, каким уговаривают расшалившегося ребенка.

Он говорил по-кернывски. Белоснежные уши существа подрагивали. За многие годы Бранвен выучила только несколько простых фраз, но ей не нужно было знать слова, чтобы понять их смысл. Впервые ей захотелось изучить язык своих врагов.

Тантрис разжал руки, лиса выскочила на песок и замерла. Бранвен смотрела на этого зверька как на одного из своих пациентов – оказалось, он мог бегать. Чего хотел зверь? Она не могла поверить, что это совпадение.

– Ты обрел друга, – сказала она Тантрису.

Встретив ее взгляд, он ответил:

– Надеюсь, что да.

Бранвен облизнула губы. Если бы он был иверманом, она тоже могла бы этого захотеть.

– Мы должны вернуться в пещеру, – сказала она. – Здесь небезопасно. Для тебя.

Тантрис кивнул и поднялся. Теперь, стоя во весь рост, он оказался на голову выше Бранвен.

– Красная шубка лисы довольно необычная, – заметил он, когда зверек бросился к прибою.

– Совершенно верно, – сказала она. – Некоторые в Иверниу верят, что Древние посылают животных как посланцев из Другого мира.

– А ты?

Отличный вопрос.

– Я не встречалась с... – она позволила своему голосу замолкнуть. Если Бранвен нужно было еще одно доказательство того, что Древние взяли Тантриса под свою защиту, то оно уже было тут. Менестрель глубоко вздохнул, и глаза Бранвен метнулись в его сторону.

– Эмер, – взглянув на нее, начал он. – Я знаю, что ты рискуешь, помогая мне. Я не воспринимаю это как само собой разумеющееся. – Его глаза блеснули, и Бранвен почувствовала то же самое, что и в тот день, когда они встретились.

Ее губы заныли, и это было приятно.

– Я... – она поглядела на его окровавленную грудь. – Мы должны поторопиться.

Снова поправив свою сумку, Бранвен отправилась в пещеру.

– Как прикажет моя целительница, – Тантрис пошел вслед за ней. Она не должна быть кем-то большим, чем его целительницей. Конечно же, не должна.

Сделав несколько шагов в тишине, Тантрис сказал:

– Мы рассказываем похожие истории в Керныве. – Он взглянул туда, куда исчезла лиса. – О Древних.

Через плечо Бранвен бросила на лису любопытный взгляд.

– А как же новая религия? – Она слышала, что Кернывеу отказались от Путь Древних в пользу бога Аквиланской империи. Были и те, кто верил, что этот новый бог был причиной того, что воины Кернывака напали на берега Ивериу.

Тантрис догнал ее.

– Ты имеешь в виду Рогатого?

Бранвен кивнула, призывая его продолжать.

– Раньше его звали Карнонос. Прежде чем он стал богом.

– Как он *стал* богом?

– Его последователи рассказывают, что Карнонос с отцом охотились на большого оленя, когда на них напали разбойники. Когда они отбивались от разбойников, олень неожиданно атаковал. Карнонос прыгнул перед своим отцом и принял смерть на рогах оленя.

Бранвен вздрогнула: «Какая ужасная история». Тантрис отбросил ветки, закрывающие вход в пещеру, и она вошла внутрь.

– За жертву и самоотверженность, – продолжал он, – другие боги воскресили Карноноса и доверили ему судить души мертвых. Он решает, кто достоин воскресения.

Бранвен только вздохнула и огляделась. В пещере всё было по-прежнему. Они были в безопасности. Она успокоилась.

– И ты в это веришь? – спросила девушка, присев и разжигая огонь. Она достала из сумочки вяленую колбасу и предложила Тантрису. Тот, присев на камень, послушно начал есть. Огонь в костре между ними занялся.

– Рогатый становится все более популярным на всем острове Альбион, – сказал Тантрис, прожевав, – но я не вижу причин для того, чтобы выбрать его своим божеством.

Бранвен выглянула из-за искрящихся веток.

– Почему его называли Рогатым?

Откусив, Тантрис ответил:

– Лесные звери также были тронуты жертвой Карноноса. Когда он воскрес, они подарили ему корону из рогов.

– Человек с рогами? – сказала она, и Тантрис кивнул.

– Нда. Вот уж странный бог. – Успокоившись, что ее пациент начал есть, Бранвен бросила взгляд на свои медицинские принадлежности, довольная, что в прошлый раз оставила их в пещере.

– Раздевайся, – сказала она.

– С удовольствием.

– Только тунику, – уточнила она.

Улыбаясь, Тантрис быстро стянул тунику через голову, но не смог удержаться от стога. Бранвен подошла осмотреть рану. Три разорванных стежка.

– Ты должен быть осторожнее, – сердито сказала она. – Довольно героизма.

– Я об этом не жалею.

Она указала пальцем на разошедшуюся рану, и он присвистнул. Кто же этот таинственный кернывман, рискующий своей жизнью, чтобы помочь зверьку?

– Карноноса также называют Богом Диких Тварей, – сказал Тантрис.

– А ты – дикая тварь? – вопрос случайно вырвался у Бранвен. Она никогда не была столь наглой.

Коварная усмешка:

– Иногда.

Закашлявшись, словно недужная, Бранвен вытащила нитку из подола. Послунившись, продела ее в иглу.

– У тебя еще осталась та пыльца? – спросил Тантрис.

– Боюсь, что нет. – Она опустила кончик иглы в огонь.

– Тогда расскажи мне что-нибудь о себе, Эмер. Я уверен, что это будет как обезболивающее. – Он подмигнул, и Бранвен не могла не рассмеяться.

– Что ты хочешь знать? – спросила она. Ей следовало бы насторожиться, но очарование кернивмана сделало ее беззащитной.

– Что-нибудь. Может, про твою семью? Я рассказал тебе о своей.

Девушка напряглась. Она не могла сказать Тантрису правду, но по какой-то причине не хотела лгать. Да, всю правду она ему поведать не могла.

– Я живу с моей кузиной, – начала она нерешительно. Конец иглы начал светиться. – Она сводит меня с ума, особенно в данный момент. Мы очень разные. Но никто меня не знает лучше нее. – Она подумала о колыбельной Эсси, придуманной прошлой ночью. – Я тоже понимаю ее безумие, я уверена, что она... – Бранвен сняла иглу с углей. – ...она любит меня, так же как и я ее.

– И я понимаю, почему, – сказал Тантрис. Сердце Бранвен ёкнуло.

– Прости, если причиню тебе боль, – сказала она ему, обращая внимание на рану. Он тихо вздохнул.

– И ты меня прости.

Прежде чем он успел что-то сказать, Бранвен осторожно проколола его кожу иглой. Тантрис ухватился за обе стороны валуна побелевшими пальцами. Чтобы отвлечь его, она призналась:

– Ты первый кернивман, не пленник, с которым я познакомилась. – Еще стежок. – Я была не права, когда сказала, что знаю все, что мне нужно. Очевидно, я много чего не знаю... о тебе.

– Эмер... – Он произнес ее имя с грубоватой нежностью. – Спрашивай обо всем, что ты хочешь узнать о Керниве. Или обо мне.

Так она и сделала. Она спрашивала, пока зашивала, а он отвечал, и часы текли незаметно. У нее было много вопросов. Возможно, это делало ее предательницей. Возможно... но она ничего не могла с этим поделать.

Бранвен хотела знать – ей нужно было знать – всё.

Единственная ревность Эмер

Следующие нескольких недель она возвращалась в пещеру к вечеру, когда свет начинал меркнуть. Во время весеннего цветения Эсси была так занята лордом Диармайдом, чья семья все еще гостила в замке Ригани, что, к счастью, едва замечала длительные отлучки Бранвен. Пропасть между кузинами ширилась с каждой ложью, произносимой Бранвен, – и это причиняло ей боль, но Древние вручили жизнь Тантриса в ее руки.

Хотя, если быть совершенно честной, она приходила и затем, чтобы услышать, как кернырман пересказывает сказки своего народа, рассказывает о его праздниках. Постепенно Кернывеу становился все меньше похожим на безликое чудовище и все более реальным.

Когда Бранвен тем вечером нырнула в пещеру, несколько колючек с цветущих кустов шиповника запутались в ее волосах.

Она чувствовала себя глупо и неприлично. Тантрис поспешил к ней.

– Посмотри на свою голову. – Он по-мальчишески усмехнулся. Теперь, когда рана затянулась, а опухоль уменьшилась, его четко очерченные скулы стали еще более привлекательными.

Тантрис принялся вытаскивать колючки из волос Бранвен.

– Похоже, я только что поймал волка за хвост, – сказал он.

Она чувствовала, что он заглядывается на нее, и отвела глаза. Так она делала много лет подряд, исчезая на второй план на дворцовых приемах, когда нужно было скрыть свои эмоции. Прикосновение его пальцев к ее голове, особенно между косами, несомненно, было завораживающим. Когда же Бранвен почувствовала, что Тантрис перебирает ее волосы дольше, чем это было необходимо, она отошла в сторону и, после небольшой передышки, пристально осмотрела его тунику. На этот раз она не была заляпана свежей кровью.

– Ты хорошо выглядишь, – сказала она. Лучше, чем хорошо. Кожа Тантриса больше не была бледной, вернув свой естественный золотисто-коричневый оттенок. Похоже, менестрель был уже достаточно здоров и силен, чтобы отправиться домой. От этой мысли в груди Бранвен разлилась ужасная пустота.

Сделав к ней шаг, Тантрис, широко улыбаясь, сказал:

– Только потому, что моя целительница применила свое волшебство.

Бранвен не победила бы, если бы не волшебство. Исцеляющий огонь Бриги.

– Не думаю, что это только моя заслуга, – ответила она, подумав о лисе. Сирша все еще томилась в сумерках лихорадки. Даже опыта королевы Эсильты не хватало для полного исцеления женщины. И Бранвен сомневалась, что она самостоятельно смогла вылечить Тантриса.

Выражение его лица стало загадочным. Она проследила за его взглядом на арфу, выглядывающую из-под ее бордовой накидки, и, когда их взгляды столкнулись, Тантрис поморщился.

– Это испытание, – сказал он.

Это *было бы* испытанием, но Бранвен так не казалось. В душе она знала, что Тантрис был тем, кем назвался, но ей нужно было понять, почему Древние явили ему свою милость. Даже если она не могла раскрыть себя.

– Я думал, ты доверишь мне, Эмер.

Разочарование в его голосе заставило Бранвен почувствовать, как колючки в волосах пронзают ее сердце. Ей было ненавистно то, как его упрек повлиял на нее. И ей было ненавистно, что она обидела его.

Поток эмоций слился во что-то более знакомое – негодование, – и она решилась.

– Я думала, ты – бард. – Справившись с эмоциями, она решилась отыграться. – Я хотела бы услышать песню с твоей родины, Тантрис.

– Я на самом деле прекрасный бард. – В его голосе словно вспыхнул огонь. Он быстро прыгнул к ней. Выхватив у нее из рук арфу, он проскрежетал в ухо Бранвен:

– *O dai eti ama.*

Нервная энергия разлилась по всему ее телу. Затем Тантрис отступил на несколько шагов и расположился на большом валуне. Он проверил арфу, поочередно настраивая струны.

– У тебя есть какие-нибудь пожелания? – Его голос слегка поскучнел.

– Это арфа «кротто»... ты умеешь на ней играть?

– Иверникская арфа не так уж сильно отличается от кернывакской. А иверманы не так уж отличаются от кернывманов.

Она не поверила бы в это до встречи с Тантрисом. Теперь же... Бранвен не поняла, в чем дело, но менестрель смягчился. Неожиданно его тон стал извиняющимся.

– Пожалуйста, сядь, Эмер. Ты заставляешь меня беспокоиться, – весело сказал он. – Будто собираешься сбежать и оставить меня.

Кровь прилила к ее щекам, но она сделала, как ей сказали, и уселась на другом риганском камне среднего размера, сцепив руки.

– Ты играешь? – спросил Тантрис.

– Чуть-чуть. И не очень хорошо. Это была арфа моей матери, она...

Бранвен замолчала. Зачем она это рассказала? Последние несколько недель ей удавалось упоминать о своей семье крайне расплывчато.

Его глаза сделались бесконечно нежными. Тантрис погладил изогнутое золотое дерево. («Так, будто ласкает любимую», – подумалось девушке.) На мгновение Бранвен всем своим существом позавидовала арфе.

– Лайгинцтир, – пробормотал он.

– *Что?* – Ужас пронзил ее.

– Золотая арфа с серебряными струнами – символ Лайгинцтира.

Глаза Тантриса блуждали по ее лицу.

– Так вот откуда ты, не так ли, Эмер? Прежде чем пришла служить в замок Ригани?

Поэт был ужасно пронизательным. Бранвен опустила ногу в башмачке из овечьей кожи на каменный пол пещеры.

– Откуда ты это знаешь? – спросила она с раздражением в голосе, что напомнило ей о характере принцессы.

– Я путешествовал по всем провинциям вашего королевства с песней в сердце: Конактир, Мумхайнцтир, Уладцтир, Ригани и Лайгинцтир.

– Пел за ужин?

– До некоторой степени, – сказал Тантрис, быстро пробежав пальцами по струнам. Ноты зазвенели, отражаясь от стен в замкнутом пространстве пещеры.

Музыка взбудоражила что-то глубоко внутри Бранвен. Встревожила давно забытую память. Когда-то она сидела на коленях матери, слушая ее игру, и сладкое контральто леди

Аланы повествовало о сражениях и потерянной любви. Как такой прекрасный образ мог исчезнуть из сознания Бранвен?

Девушка спрятала лицо в ладонях, не в силах сдержать слезы. Она слышала, как Тантрис отложил арфу, а затем его горячее тело прижалось к ней. Она не осмелилась убрать ладони.

– О, Эмер, – произнес он. – Пожалуйста, скажи, чем я тебя расстроил?

Бранвен покрутила головой, все еще закрывая глаза руками.

– Неважно.

– Нет. – Тантрис обхватил ее запястья и отодвинул ладони от лица мягким, но уверенным движением.

– Твоя мать осталась в Лайгинцире? – Голос, которым он задал свой вопрос, был настолько гортанным, что походил почти на рычание. Бранвен подозревала, что он уже знал ответ. Тантрис вытер слезинку, показавшуюся из уголка глаза, и девушка сказала:

– Она и мой отец – оба в Другом мире.

– Как это случилось? – спросил он почти шепотом.

Нижняя губа Бранвен задрожала.

– Кернывакские налетчики. – Несколько слогов, налитых яростью, но в них не было так много яда, как прежде.

– Прости, Эмер. Теперь я знаю, почему ты считаешь меня своим врагом. – Тантрис глубоко вздохнул. Это было похоже на вздох облегчения в конце долгого спора. – И все же ты неоднократно рисковала, чтобы спасти своего врага, – сказал он с удивлением.

– Я не... – начала было она, неожиданно для себя. – Я больше не вижу в тебе своего врага.

Как ни странно, до Бранвен доходили слухи в замке: о том, что военный совет короля Энгуса рассматривает вторжение в Керныв. Ее дядя Морхольт согласился с младшими лордами, что Ивернию должна перенести военные действия на родину налетчиков. Они могли быть правы: Бранвен не знала военных стратегий, она думала только о семьях убитых.

Она подняла взгляд на Тантриса, опасаясь, что тот может прочесть ее мысли. Девушка оставалась верной ивернийкой; она не могла бы и помыслить о предательстве своего королевства, предупредив кернывмана. В то же время, она не могла послать Тантриса домой на убой. Он пристально посмотрел на нее, но, похоже, не догадывался о противоречивой борьбе в ее душе. Нет, его лицо медленно осветилось, словно солнцем, поднимающимся над Иверийским морем.

– Эмер, коли так, – это лучшая новость за долгое-долгое время. – Он взял ее руку и поцеловал.

Справившись с дыханием, Бранвен сменила тему.

– Ты увидишься с родителями, вернувшись в Керныв, – сказала она. И добавила, пораженная тревожной мыслью: – Или с женой?

В ту ночь, когда они встретились, Тантрис спросил, замужем ли Бранвен, о себе же ничего не сказал. Конечно! Он выглядел на год или два старше нее, и у такого очаровательного мужчины должна быть жена. Почему Бранвен надеялась на другое? Она была такой же глупой, как Эсси.

– Жены нет, – сказал он с мягким смехом, не выпуская ее руки. – И родителей нет, – добавил он, и она услышала тоску в его голосе. – Только дядя.

Бранвен наклонилась к Тантрису.

– Почему?

Горе исказило черты его лица.

– Иверикские налетчики. – Его голос сделался холодным, как смерть. – Моя мать умерла в ту же ночь, когда был убит мой отец. Лорд Морхольт, брат королевы Эсильты, забирал жителей в качестве дани. *Детей*. Мой отец защищал их, как доблестный воин Картагона.

Бранвен хотелось сбежать. Позор пронзил ее. Не только ее семья была разрушена, но и его тоже. И бесчисленное множество других. Тантрис даже не знал своих родителей. И ее собственный дядя был инструментом этого разрушения.

– Ты необычно немногословна, Эмер.

В этот момент Бранвен чуть не назвала ему свое истинное имя.

Но тогда Тантрис узнает, что ее тетя – королева, и что ее семья несет ответственность за пролитие крови на полях Керныва. И Тантрис ее возненавидит. А она не могла свыкнуться с мыслью, что он ее возненавидит.

– Я не знаю, что сказать, – пробормотала она, не зная, куда деть глаза.

Его плечи поникли от горя.

– Наши соотечественники гибли так же, как и твои. Они добились равного разрушения. – Тантрис осторожно откинул голову назад. Пламя отражалось в его темно-коричневых зрачках, и это выглядело совершенно очаровательно.

– Надеюсь, я нашла друга во враге, – хрипло сказала Бранвен.

– Ты нашла больше, и я никогда не смогу стать твоим врагом.

Кровь громко пульсировала в ее ушах. Она поверила ему. Она поверила ему, но она должна уйти – она знала, что должна.

– Эмер. – Тантрис произнес ее имя так близко к ее губам, что оно обрело форму и резануло ее.

Она не хотела, чтобы он произносил вымышленное имя, прежде чем поцеловать. Она не хотела, чтобы он поцеловал Эмер. Ей хотелось, чтобы Тантрис поцеловал ее, Бранвен, и она отшатнулась.

– Прости меня, – сказал он, вскакивая на ноги. – Я немного забылся.

Он провел рукой по своим темным кудрям, слегка рванув за них в ярости на себя.

– Не за что просить прощения, – заверила его Бранвен, потому что так оно и было. Во всяком случае, это она лгала ему. Именно *она* нуждалась в прощении. Немного неловко улыбаясь, она спросила: – Как насчет песни?

Черты его лица смягчились.

– Поистине, – сказал Тантрис, – у тебя благороднейшее сердце.

«Или самое эгоистичное», – подумала девушка.

Он хлопнул в ладоши, когда к нему пришла идея.

– Я знаю одну балладу. Она про твою тещу, – сказал он, поклонившись. Немного лукавства вернулось в его голос. – «Единственная ревность Эмер»!

Бранвен рассмеялась, и он прошелся по струнам. Она выбрала Эмер для своего имени в тот день на берегу, потому что та была самой известной героиней Ивериу.

– Откуда ты так хорошо говоришь на моем языке, Тантрис? И знаешь наши истории?

– Я же сказал, что люблю поэзию. А иверикская поэзия прекрасна. – Он посмотрел на нее. – Как и женщины Ивериу.

Бранвен опустила глаза. Он начал петь.

Пёс Уладцтира с громким лаем рыщет,
И страстно поцелует Эмер ищет.

Преклонение перед Эмер Пса Уладцтира, самого неистового из иверикских воинов, было известно всему королевству. Пёс возвращался после тренировки с женщиной-воином Скатак, когда повстречал Эмер, и в тот же миг был словно громом поражен.

Черны крылом вороньим волоса,
О ней одной теперь все песни Пса.

В легендах Эмер всегда была блондинкой. Бранвен бросила взгляд на Тантриса. Он ответил хитрой улыбкой. Он изменил слова только для нее. «Эсси по достоинству оценила бы его талант, – подумала девушка, – но, конечно же, они никогда не смогут встретиться». Потому что Тантрис никогда не мог стать частью мира Бранвен.

Продолжая петь о том, как Пёс избавил Эмер от мужчины, которому та была обещана, поэт быстро перебирал струны пальцами. Бранвен не могла не отметить, как они были изящны. Его пение переросло в крещендо, когда он добрался до ее любимой части истории: богиня Фанд соблазняет Пса, заманив его в Другой мир, и Эмер борется с ней, угрожая богине серебряным клинком.

В тот момент, когда в песне Эмер спасала Пса из Другого мира, по спине Бранвен пробежала дрожь предчувствия. Что-то было не так. Она поднялась на ноги, приложив палец к губам. Тантрис тут же прекратил играть.

Девушка не могла объяснить это, но она знала, что они в опасности. Дрожь была предупреждением. Она велела Тантрису уйти. Тот покачал головой. Страх опалял каждый нерв Бранвен. Она ткнула указательным пальцем в самый темный, самый дальний край пещеры и выдохнула: «Пожалуйста». После нескольких секунд безмолвной битвы взглядов, Тантрис вздохнул и скользнул в темноту.

Сжав зубы, Бранвен шагнула к выходу из пещеры, наклонилась, чтобы не оцарапаться о шиповник.

– Кин! – Ее голос звучал слишком высоко. «Постарайся не волноваться, Бранвен». Вдохнув, она спросила: – Что ты здесь делаешь?

– Я мог бы спросить тебя о том же. – Воин держал в руке факел, освещающий его суровое лицо. Затем он улыбнулся, почти застенчиво, и девушка перехватила инициативу:

– Я первая спросила.

– Тебя искала принцесса Эсильта.

– О, – легкомысленно начала Бранвен, – ты же понимаешь, что скорее всего она послала тебя найти меня, чтобы остаться наедине с Диармайдом?

Кин перестал улыбаться.

– Я знаю, моя леди. Хотя я сам вызвался, чтобы провести время наедине с тобой.

Ее брови поползли вверх. Кин никогда так смело не говорил с ней. Неужели, находясь за пределами замка, он может позволять себе говорить более свободно?

Воин кашлянул в кулак, – казалось, осознал свою ошибку:

– Но зато я принес хорошие новости. Сирша очнулась. И она зовет тебя.

Страх за Тантриса на мгновение улетучился, и широкая улыбка просияла на лице Бранвен.

– Это самая чудесная новость из всех возможных, Кин!

– Тогда я рад быть тем, кто доставил ее.

– Спасибо. Большое тебе спасибо. – Они наслаждались мгновением восторга, прежде чем Бранвен задумалась: – Но откуда ты узнал, где меня найти?

Кин переступил с ноги на ногу.

– Принцесса – не единственная, за кем я слежу.

«О, нет». Конечно, нет. Сколько раз Тантрис мог быть разоблачен из-за Бранвен! Как она была беспечна! Ей казалось, что она так осторожна, так умна, – но она привела королевскую гвардию прямо к дверям убежища кернвмана.

Внезапно сквозь свисающие лианы пробралась лиса и затавкала на них. Кин удивленно рассмеялся. Впрочем, гвардеец был не так удивлен, как Бранвен. Ее сердце остановилось и снова заколотилось. Откуда вдруг материализовалась лиса, если пещера не была входом в Другой мир?

– Кто это у нас здесь? – спросил Кин.

Оправившись от неожиданности, Бранвен сказала:

– Это один из моих пациентов. Я нашла зверька в ловушке в одной из песчаных ям и ухаживала за ним здесь, в пещере.

Выдумка слишком легко слетела с ее языка. Кин нахмурился:

– Я поставил эти ловушки на кернывменов, а не на лисиц. Хотя они могут быть одним и тем же. – Он примирительно погладил лису. Зверек тут же укусил его за палец. Охнув, воин отдернул руку.

– Я рад, что ты не пострадала, моя леди.

– Тебе не нужно беспокоиться обо мне.

– Возможно, нет. – Пауза. – Но я беспокоюсь.

С берега прорвалась волна прибоя.

– Пойдем, – сказал Кин. – Я провожу тебя в лазарет.

– Я сама найду дорогу.

– Уже стемнело. Я настаиваю.

Бранвен не хотела уходить, не попрощавшись с Тантрисом, но она не смогла найти для Кина причины задержаться в пещере. Словно говоря с лисой, она повысила голос:

– Оставайся здесь. Я вернусь завтра.

Зверек один раз вздрогнул, его глаза сверкнули, как свечи в темноте, и он бросился вглубь пещеры. «Охраняй Тантриса», – мысленно попросила девушка.

– Это существо кажется очень преданным тебе, – заметил Кин, когда они направились к воротам замка.

– Может, и так.

– Только не забывай, что оно дикое.

В свете факела Бранвен бросила на него взгляд.

– В смысле?

– В смысле, что когда ты думаешь, что приручила дикую тварь, она может нанести тебе наибольший вред.

Девушка не ответила. Она знала, что Кин прав.

Ее сердце было самым диким из всех.

Море пламени

Дым заполнил ее легкие. Паника лизнула желудок. Колючки шиповника у ее ног жалили, цеплялись, хватались за нее, удерживая на месте.

Далеко в море Бранвен увидела яркий свет, кристально чистый и гипнотизирующий. Он мигнул, словно сигнализируя. Но она не могла двигаться. Она не могла дышать.

А затем на волнах заплясал огонь.

«Нет!» Она попыталась кричать, но у нее не было голоса.

Что-то пушисто-мягкое коснулось ее лодыжек. Глаза черного дерева стали янтарными. Лиса.

Зверек зарычал и затыкал, вытянув голову к океану. Девушка знала, что лиса хочет, чтобы она последовала за ней, но оказалась в ловушке.

Колючие ветки держали ее в плену.

Лиса снова залаяла.

«Что такое немного крови?» – казалось, говорила она.

Время вокруг Бранвен искривилось. Звезды коснулись горизонта, и море вскипело.

Бранвен высвободила ноги из острых колючих лоз, оставивших на ее лодыжках следы своих зазубренных челюстей. Она прикусила губу и побежала. Лиса бежала рядом, прижимаясь к ее ногам.

Когда они приблизились к береговой линии, Бранвен разглядела силуэт человека на фоне звездного света и пламени. Он двигался с изумительной грацией.

Ее сердце взыграло.

В следующий момент блеск чего-то серебристого и острого привлек ее внимание. Широкий меч. Липкие капли крови стекали с его острия.

Бранвен знала руку, управляющую этим мечом. Морхольт. Ее дядя.

Он взмахнул мечом над головой. Один раз. Два. Три. Звук взрезал ночь.

По мере того, как смертоносное лезвие приближалось к своей жертве, к Бранвен постепенно возвращался голос.

«Тантрис!»

Но было уже слишком поздно.

«Тантрис». Это имя застыло у нее на губах солнечным светом. Он должен уйти. Прошлой ночью опасность подошла вплотную. Сон был еще одним предупреждением. Его обнаружат, а Бранвен обвинят в предательстве.

«Ты потеряешь его».

Это не имеет значения. Ей придется отправить кернывмана домой.

Бранвен была уверена, что, должно быть, разбудила весь замок своими криками, но, отодвинув шторы и открыв окно, увидела, что замок Ригани вовсе суетится. Внизу она узрела королевскую гвардию, собранную во внутреннем дворе. Воины были одеты в шафрановые туники – знак войны. Среди них были дядя Морхолт, лорд Диармайд и лорд Парталан. Новый страх, как первый снегопад, пронзил ее тело.

Было ли уже слишком поздно? Что, если Кин вернулся в пещеру и обнаружил Тантриса? Знала ли ее семья, что она предала ее?

Бранвен быстро закончила одеваться, затем осторожно открыла дверь и выглянула в коридор, в сторону покоев Эсси. Ей не хотелось покидать кухню, но она должна была предупредить Тантриса. Не увидев никого, Бранвен пробежала мимо двери Эсси и, – как будто она вызвала его своими мыслями, – наверху лестницы врезалась прямо в Кина. Он заключил ее в крепкие объятия, испуганный ее состоянием, готовностью к бою.

– Ты в порядке, моя леди? – спросил Кин. Его глаза лихорадочно блеснули.

– Да. – По крайней мере, телохранитель принцессы не собирался заключить ее под стражу. Бранвен судорожно сглотнула. – Спасибо.

Поняв, что их тела все еще прижаты друг к другу, Кин сразу же опустил руки, и, покраснев, сделал шаг назад.

– Кин, – сказала Бранвен, нарушая напряженное молчание. – Почему построена королевская гвардия?

«Пожалуйста, пусть это будет не из-за Тантриса. Пожалуйста».

Гнев вспыхнул в глазах Кина, когда он ответил:

– Нападение! Кернывмены в двадцати лигах отсюда. Мы идем за ними. – Он явно жаждал принять участие в сражении.

Бранвен ахнула, поднеся руку ко рту.

– Не бойся, леди Бранвен. В стенах замка ты будешь в безопасности. Никто и никогда не брал Ригани штурмом.

– Я не боюсь.

– Это меня не удивляет, моя леди, но... – не желая брать ее за руку, Кин пододвинулся ближе к Бранвен и произнес, тихо и быстро: – Обещай мне, что сегодня ты не станешь посещать своего пациента в пещере.

– Пациента? – она задохнулась.

– Лису, – сказал Кин, нахмурившись. – Зверек сможет прожить один день без тебя. Я хочу, чтобы ты... я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. – Это был почти приказ. Он погладил руку Бранвен большим пальцем, настойчиво. Хотя Бранвен не давала никаких обещаний, она была виновата в том, что думала о Тантрисе, о его серенаде.

– Обещаю. – Ложь сжимала ей горло. – Будь осторожен, Кин.

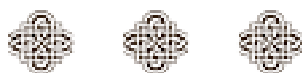
Иверман сжал ей руку, затем сделал шаг вниз по лестнице.

– Ивериу навсегда, – сказал он. Его глаза вспыхнули, и Бранвен узнала в них жажду битвы. Она подождала, пока не увидела, как он выходит из южной башни через арку, а потом бросилась бежать.

Бранвен нужно добраться до пещеры. Ей нужно найти Тантриса.

«Что такое немного крови?»

Если она этого не сделает, море превратится в огонь.

Прилив был высоким, быстрым и яростным. Девушка вспомнила свой сон: плывущий Тантрис. Королева Эсильта велела Бранвен внимательно прислушиваться к сообщениям из Другого мира. Она бросилась к берегу, туда, где она впервые увидела кернивмана.

Край ее подола зацепился за обломок плавника, пока девушка хлюпала по холодной морской пене. Густая крапива жгла ей ноги. Вода окрасилась кровью. Бранвен провела осколком камня Ригани по пене и быстро положила в карман.

Она молилась, чтобы это принесло удачу. Не ей, а Тантрису.

Солнце, выросшее как огненный шар над горизонтом, – ничто по сравнению с морем оранжевых фигур, усеивающих скалы вдоль береговой линии. Королевская гвардия была готова к атаке, пытаясь выбить своих врагов на берег. В мгновение ока пещера будет окружена.

Бранвен поняла, что единственный способ спасти Тантриса – вернуть его врагам. Ее соотечественники убьют кернивмана, и девушка знала, что он предпочтет смерть бесчестью.

Он был слишком храбр для поэта.

Среди белых гребней волн появилось мерцание. Подмигивание. Сигнал.

Другой мир также проник в море. Поднявшийся с глубины где-то далеко дельфин выпрыгнул вверх по волнам. Прибрежные крестьяне полагали, что эти существа защищают воды Ивериу, но, казалось, также они защищали и кернивмана.

– Тантрис! – крикнула Бранвен, стремительно мчась, вытащив меч кладивос сзади из-за пояса. – Тантрис!

Новая фигура неожиданно показалась из волн.

– Эмер?

Из ее легких словно вышибло весь воздух. Он был еще жив. Тантрис все еще был жив.

Его глаза обшарили ее, когда он вышел из волн. Подобно подхваченному ветром звону схватки он метнулся к ней.

Волосы Бранвен разметало ветром, темные косички струились по спине. Она набросила поверх платья желтовато-коричневую накидку, чтобы ее не заметили в лесу, и сейчас, размахивая кладивосом, больше походила на воина, чем на дворянку.

– Эмер! – крикнул он, указывая на клинок. – Ты пришла сюда, чтобы убить меня? – На губах Тантриса была его обычная хитрая усмешка, но в его глазах затаилось сомнение.

Бранвен торжественно протянула ему оружие. Оно дрожало в ее мокрых ладонях.

– Здесь мои соотечественники, – сказала она. – Я думала, что сказала тебе не покидать пещеру.

– Прости, Эмер. Лиса не давала мне покоя, пока мы не искупались в море.

Она глянула туда, где зверек бежал у пенистого прибоя. Другой мир хотел, чтобы кернивман ушел из пещеры. Как близко королевская гвардия?

Когда, наконец, Тантрис встал перед ней на песке, Бранвен почувствовала, как ее щеки запылали.

Соленая вода стекала по рельефным мышцам обнаженного торса менестреля. Его плечи были мокрыми, вода стекала на его мускулистые бедра. Бранвен вполне могла поверить, что он принадлежал к расам Древних, которые, говорят, обитают под морем, безоружные и в безопасности. Тоска по неизведанному проснулась в Бранвен, она боролась с желанием прикоснуться к этому мужчине. Конечно, она видела его без рубашки в течение многих дней, когда ухаживала за его раной, – но теперь она больше не смотрела на Тантриса, как смотрит целитель на пациента.

Бранвен втянула воздух, когда он подошел ближе. Ее взгляд зацепился за крошечные «любовные узлы», прошитые над его сердцем. Шрам был ее знаком. Тантрис всегда будет носить часть ее на сердце, вернувшись на другой берег Иверикского моря.

– Что случилось, Эмер? – спросил он. – Что случилось?

Она снова протянула ему меч.

– Тантрис, послушай меня. – Бранвен заставила себя взглянуть ему в лицо. – Королевская гвардия в боевой готовности. – Она указала на скалы. – Кернывакские пираты находятся в пределах досягаемости замка Ригани. Они никогда еще не осмеливались подойти так близко.

Менестрель пробормотал что-то непонятное. Его лицо исказило страдание и еще что-то: вина. Как будто Тантрис подумал, что он как-то ответственен за эту атаку.

– Возьми меч, – строго сказала она. – *Уходи*. Найди своих соотечественников. Сегодня иверни не будут брать пленных.

Он положил руку на ее кисть, и они вместе взяли меч. Его прикосновение было грубым и добрым одновременно, и Бранвен не хотела, чтобы он отпустил ее. Никогда.

– Ты хочешь сказать, что мне надо сражаться с твоими людьми?

– Нет, Тантрис. Я не хочу, чтобы ты сражался с ними. Но ты мой друг, и я хочу, чтобы ты жил. – Ее голос почти затих, когда она произнесла эти слова.

Его пальцы сжимали ее, и мышцы его спины словно окаменели, когда он взял кляйвос. С мечом в руке Тантрис выглядел таким уверенным. Таким сильным. Таким изящным.

Он должен бежать. Тантрису нужно было бежать. Зачем он оказался на этом месте? Почему с ней?

– У тебя мало времени, – сказала Бранвен, пытаясь отдышаться. – В окрестностях следующего мыса на берегу, под скалами, ты найдешь пришвартованные рыбацкие лодки. Возьми одну. Пожалуйста.

– Ты здесь тоже не в безопасности. Я не оставлю тебя беззащитной.

– Я не беззащитна. – Она опустила воротник своего платья, чтобы показать защитный горжет из вываренной кожи, который также утащила из замкового арсенала.

Он сердито подбросил меч в воздух.

– Кернывы или иверни, – людям на войне нельзя доверять. – Воздух со свистом вышел между его зубов. – Я отплачу неблагодарностью за твою доброту, если оставлю тебя.

«Проклятье, упрямый поэт!»

– Отблагодаришь, *живя*, Тантрис, – сказала ему Бранвен. Незнакомая сила усилила ее голос.

Краем глаза девушка заметила лошадей, колотящих по скалистым утесам копытами все ближе и ближе.

– Оставь меня, Тантрис! – Теперь она почти кричала. – Тебе нужно идти!

На его лице отразилась такая нежность, что Бранвен чуть не задохнулась от своих следующих слов:

– Пожалуйста, Тантрис! Вернись на свою родину, зная, что у тебя в Ивериу есть друг.

– Я бы установил мир между нашими народами, – сказал он с сильным убеждением. В тот момент Бранвен жалела, что Тантрис был не королем, а менестрелем. Ни он, ни она никогда не имели бы силы, чтобы действительно установить мир.

– Мир между нами – это начало, – сказала Бранвен с легкой улыбкой. – Но если ты умрешь, мира не будет.

– Между нами гораздо больше, чем мир, Эмер. Позволь мне сразиться за тебя.

Покачивая головой, она сказала:

– Это я сражаюсь за тебя.

Она вытащила из кармана камень Ригани и вложила в его ладонь.

– Помни обо мне.

– Мне легче забыть свое имя, чем тебя, – Тантрис сжал пальцами камень и прижал его к груди. – Но на всякий случай...

Он замолчал, и его губы внезапно накрыли ее губы.

Время застыло на месте. Не было ни крови, ни огня, ни Ивериу, ни Керныва. Был только он – только этот поцелуй. Его оказалось достаточно, чтобы заставить Бранвен поверить в то, чего она не могла видеть, заставить существовать – чувствуя, а не думая.

Она позволила своей руке исследовать сильные мышцы его живота, смоченные морской водой. Тантрис обнял ее, подтянул ближе, разделяя те же сладкие вздохи. Она не хотела ничего, кроме как броситься с ним в воду, и пусть бы волны плескались над ними.

Если Бранвен не разорвет объятий сейчас, она никогда не сможет его отпустить. Возможно, в Другом мире, за морем, лежало место, где они могли бы быть вместе, – но его не было в *этом* мире.

Она оттолкнула Тантриса, и он споткнулся на мокром песке.

– Эмер...

– Ты обещал жить, чтобы увидеть меня снова.

В его глазах вспыхнула решимость:

– Я *хочу* жить, чтобы увидеть тебя снова.

Она не знала, что сделала бы тогда, – может быть, вместе с Тантрисом уехала в Керныв, – если бы не разглядела своего дядю Морхольта на скалах, прямо над головой.

– Иди, – приказала она.

А потом убежала, и ни разу не оглянулась. Не смогла.

Горе переполняло ее с каждым шагом, когда она удалялась от него. Тантрис никогда не узнает ее истинного имени.

Бранвен была морем пламени.

Змеи в волнах

Крик и шум раздавались с внутреннего двора, когда Бранвен снова вбежала в замок, пробираясь к покоям Эсси в южной башне. Она волновалась, что случится с Тантрисом, если он найдет своих соотечественников – ведь они были пиратами. Но еще больше она боялась того, что с ним будет, если он этого не сделает. И еще был страх за жизнь королевской гвардии и крестьян на побережье.

Тело сладко ныло от свежих воспоминаний о губах поэта на ее губах.

Жуткий вопль разрезал воздух. Какой-то животный. Потом еще один. Бранвен нужно было спрятаться у Эсси, прежде чем Кин поймет, что ее не было в замке. Но в этом мучительном крике было что-то, парализовавшее ее.

Дубтах вырвался из-под арки, чуть не сбив девушку с ног. Его глаза сияли безумным блеском.

– Леди Бранвен! – воскликнул он испуганно. А затем, взволнованно, доложил: – Они поймали некоторых. Они поймали некоторых из этих кровавых ублюдков Кернывака на берегу.

Лед распространился по ее венам, замораживая сердце.

– Где?

– Их ведут в главную башню. Пойдем, леди Бранвен... пойдем, посмотрим, как они обезглавят кернывменов!

Дубтах потянул ее за плечо. Бранвен последовала за ним, но ей казалось, что она смотрит на сцену откуда-то еще, отстраненно. Далеко от замка Ригани. Далеко над волнами, разбивающимися о берег.

Тронный зал был на первом этаже крепости. Королевские гвардейцы тащили мужчин по двору, черные капюшоны закрывали их лица. Ее живот несколько раз скрутило, когда она представила под одним из этих капюшонов изящные черты Тантриса. У некоторых из пленных были кляймы, бессильно свисающие с поясов.

«Это вовсе не означает, что один из них Тантрис», – сказала она себе. Множество кернывменов носили кляймы. Аргумент был почти убедителен.

Дубтах проталил Бранвен через толпу, собравшуюся, чтобы хоть мельком посмотреть на пленников. Не говоря уж о их неизбежной казни.

– Мы отбросили их, – с энтузиазмом повторил он. – Теперь они познают иверикское правосудие.

Девушка неопределенно кивнула.

Когда Бранвен с Дубтахом пробрались к передней части тронного зала, ее уши наполнились звуками презрения и осуждения, издевательств и свистом. Она не могла вспомнить, когда в замок Ригани в последний раз доставлялись пленники. Король Марк явно хотел найти что-то. Так или иначе, этот набег отличался от всех прочих.

Бранвен увидела десятерых мужчин в капюшонах, стоящих на коленях перед королем. Их головы были склонены до самого пола, руки связаны за спиной грубыми веревками. Они выглядели такими слабыми, такими беспомощными в этих позах. Которые, как она поняла, были такими намеренно.

Король Энгус заставлял кернывменов чувствовать свое господство: паника, которая исходит из знания твоего врага, позволяет ему держать его жизнь в своих руках.

Бранвен не могла чувствовать симпатию к пленникам – недавно они, несомненно, насиловали и убивали жителей ее страны, но представив Тантриса под капюшоном, она почувствовала жалость.

Если бы один из них был Тантрисом, смогла бы она просить о пощаде для него от своего имени? Будет ли король милостив, если племянница попросит его о таком? И как Бранвен сможет это объяснить? Если бы Эсси или королева знали правду, они приняли бы ее за предательницу. Имеет ли значение, что Тантрис был поэтом, а не пиратом? Прежде, чем Бранвен познакомилась с ним, она сама не увидела бы различия.

Девушка наклонилась к Дубтаху, пытаясь сдержать его остроты.

– Не волнуйся, леди Бранвен, – шептал он ей на ухо. – Эти ублюдки Кернывака теперь не смогут тебя обидеть! Они больше никому из иверменов не причинят вреда! – Дубтах неуклюже плюнул в сторону заключенных и потряс кулаком в воздухе. Пыл, с которым он говорил, ошеломлял.

Соотечественники Бранвен кричали о кернывакской крови. Что произойдет, если король Энгус успокоит своих младших лордов вторжением в Керныв?

Эсси, стоявшая за Кином, перехватила взгляд кузины. Королева Эсильта сидела по правую руку от короля, Финтан встал на полшага между ней и заключенными, осторожно озираясь вокруг. Королева была права: предстоящий брак Эсси может стать единственным способом предотвратить дальнейшие потери. Так или иначе, Бранвен придется заставить кузину понять, что поставлено на карту.

Морхольт поклонился королю Энгусу и указал на пленных налетчиков. Все, что касалось ее дяди, отдавало высокомерием, которое, по мнению Бранвен, было у первого бойца короля врожденным. Несмотря на это, она никогда не видела, чтобы дядя проявлял скорбь по поводу смерти леди Аланы, его младшей сестры. Он также никогда не отмечал годовщину ее смерти, и часть Бранвен всегда ненавидела Морхольта за это.

Принцесса поманила кузину к себе. Желудок Бранвен бунтовал, но она повиновалась. У нее не было выбора. Ее место было рядом с Эсси.

Кернывмены располагались в неровном полукруге перед троном. Спеша к кузине, Бранвен обошла их, и в этот момент почувствовала, как пульс ее участился. Она оглядывала фигуры пленников, но все они были в мокрых от морской воды, испачканных в крови и песке туниках. Некоторые казались крупнее прочих, но было невозможно узнать, был ли один из них Тантрисом.

Когда Бранвен подошла к Эсси, Кин нахмурился, и беспокойство в его глазах было неподдельным. Пальцы воина потянулись к рукояти меча, как будто он сдерживал их в желании прикоснуться к Бранвен. Королева кинула на племянницу вопросительный взгляд, и та едва заставила себя улыбнуться.

– Я тебя нигде не могла найти, – произнесла Эсси суровым шепотом. – Ты напугала меня.

Принцесса нашла руку кузины и стиснула ее. Бранвен, извиняясь, пожалала пальцы Эсси.

Разве она предала свою семью, пытаясь спасти Тантриса? Ее сердце разрывалось между Кернывом и Ивериу, чего она никогда не могла себе представить. Но тогда она не могла себе представить и Тантриса.

– Все в порядке, Бранни. Только не пугай меня так снова. «Нет тебя без меня», помнишь? – сказала принцесса, смирив гнев.

– Ты знаешь, что помню.

– Итак, где ты была? В последнее время у тебя появилась привычка исчезать.

Бранвен снова была поражена. Неужели Эсси *знала*? Или о чем-то подозревала?

Не осмеливаясь поднять глаза, она сказала:

– Конечно, крутила безумный роман с Дубтахом! Где же еще?

Ее кухня рассмеялась, но тут же прикрыла рот. Эсси доверяла ей. Почему бы и нет? До того, как она нашла Тантриса на берегу, Бранвен никогда не приходилось лгать.

Она нахмурилась.

– Я пошла собирать травы для королевы, и когда услышала шум битвы, спряталась, – ответила Бранвен, презирая себя за то, как легко она обманывает тех, кто ей доверяет.

Эсси прищурилась.

– Мать не должна была звать тебя. Ты – *моя* служанка, – сказала она, и Бранвен почувствовала спазм в животе. Принцесса редко называла ее служанкой.

– Я не хотела тебя огорчить.

Эсси кивнула, но выражение ее лица все еще беспокоило Бранвен.

– Налетчики никогда раньше не были в такой близости от замка Ригани.

Бранвен сжала ее руку.

– Я знаю, – сказала она. Управление эмоциями Эсси требовало большей энергии, чем она обладала в этот момент.

Морхольт несколько раз со свистом рассек воздух мечом, чтобы заставить толпу замолчать. В тронном зале наступила напряженная тишина. Удовлетворившись, Морхольт повернулся к королю и сказал:

– Мой лорд король, сегодня мы убили более сорока человек на скалах. Керныве осмелели. – Он вытянул меч в сторону одного из пленных, ткнув кончиком лезвия ему в шею. Бранвен увидела новую струйку крови, показавшуюся из-под капюшона. – Мы взяли этих живьем, чтобы ты мог расспросить их. Еще больше сбежали морем, как змеи в волнах.

Лорд Ронан выдвинулся из рядов королевской гвардии, наблюдающей за пленниками, следом за ним – его сын.

– Мой лорд король, – начал Ронан, – я считаю, что у этого набега была более конкретная цель, чем обычно.

Лицо короля оставалось невозмутимым. Он только поднял бровь:

– Вот как?

– Да, мой лорд король, – ответил Морхольт, опережая Ронана. Они оба хотели угодить королю Энгусу.

– Скажи, что тебе известно.

Теперь вперед выскочил лорд Диармайд:

– Пусть пленники расскажут сами.

За это он удостоился убийственных взглядов от отца и первого бойца короля.

Эсси наклонилась к Бранвен:

– Ну, разве он не храбрец?

– Кто? – пробормотала та.

– Диармайд.

«Слишком наглый, чтобы быть мудрым», – подумала девушка, а вслух ответила: «Ммм...». Во время своего пребывания в замке, этот лорд, по мнению Бранвен, разросся, как грибок.

Бессознательно, принцесса накручивала на пальцы свои косы, натягивая волосы у корней.

Диармайд разорвал капюшон на лице первого пленника. Все тело Бранвен натянулось, как струна арфы. Толпа зашипела и засвистела, увидев это лицо, а девушка вздохнула, поняв, что этот пленник – не Тантрис. У кернывмана была такая же золотисто-коричневая кожа, как и

у поэта, и несколько недавно заживших шрамов на щеке. Он вызывающе выпятил подбородок. Между тем, Бранвен внимательно следила за его глазами.

Морхолт снова поднял меч, и шум толпы быстро стих.

– Расскажи, почему вы сегодня напали на замок Ригани? – потребовал лорд у пленника. Глаза дяди вспыхнули, и она подумала, что сама непременно призналась бы в чем угодно, если бы он посмотрел на нее *так*.

Диармайд пнул пленника в спину. Тот застонал, ударившись лицом о каменный пол. Бранвен вздрогнула. Юный северный лорд торжествующе улыбнулся, ища глаза принцессы, чтобы погреться в отраженных в них лучах своей славы.

Бранвен не думала, что ударить пленника, руки которого связаны, – это что-то, заслуживающее одобрения. Она повернула голову к Кину, взгляд которого сверлил ей затылок. Нарушая протокол, тот наклонился вперед и шепнул:

– Не нужно сочувствовать этому человеку, леди Бранвен. Он не похож на нас. – Кин хотел успокоить ее, но лишь еще больше напугал.

Отвратительный хруст разрубаемой кости и звон ударившего о камень металла раскатились по тронному залу. Широкий меч лорда Диармайда врезался в пол в тот самый момент, когда покатила голова кернивмана.

Он не сказал ни слова.

Бранвен пошатнулась. Она представила, что голова принадлежит Тантрису, и не смогла бороться с острым жалом слез.

Толпа зааплодировала, а лорд Ронан хлопнул сына по спине, одобряя хорошо выполненную работу, и обнажил лицо следующего пленника. Зрители взревели в знак удовольствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.